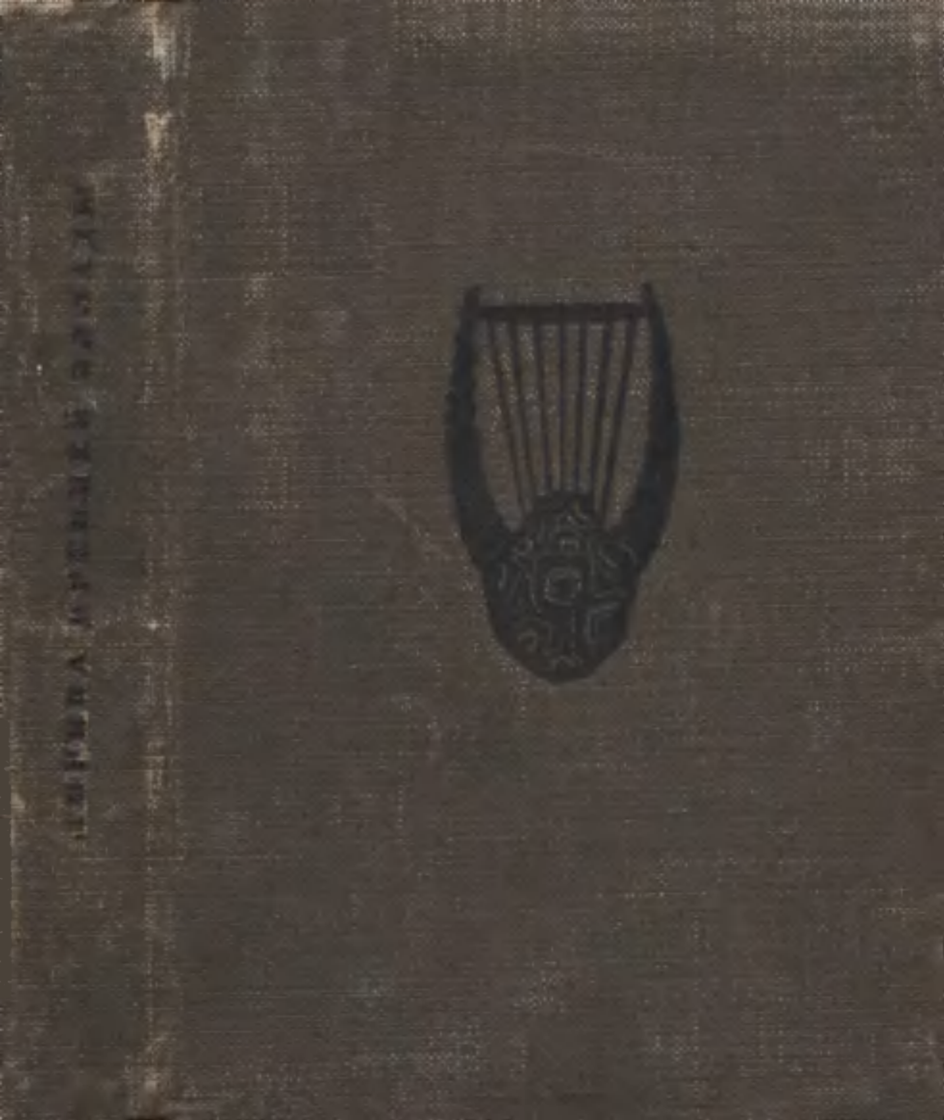

ACADEMIA

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

под общей редакцией
Д. А. Горбова, В. О. Нилендера
и П. Ф. Преображенского

ЛИРИКА ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

ACADEMIA
Москва — Ленинград

ЛИРИКА ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Собрал и комментировал
Я. Голосовкер

ACADEMIA
1935

Гравюры на дереве художника
М. И. ПИКОВА
Переплет по его же рисунку

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая читателю книга охватывает лирику древней Греции в том виде, как она отразилась в переводах русских поэтов главным образом XIX и отчасти XVIII и XX вв.

Сборник имеет задачей познакомить не столько с древнегреческой лирикой как таковой, сколько с восприятием ее в русской поэзии. Поэтому переводы подобраны как с точки зрения полноты воспроизведения всех особенностей оригинала, так и по признаку характерности его восприятия на том или ином этапе развития русского художественного слова. При наличии нескольких переводов одного и того же древнегреческого текста даются наиболее примечательные из них — в указанном отношении. В случае, если на ряду с переводом имеется также более или менее близко и художественно-значительное подражание, оно приводится к комментарии. Последний дает также необходимые данные справочного характера.

Academia

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Более тысячелетия охватывает эта маленькая антология — весь путь развития эллинской мелики: от VII века до н. эры по VI век н. эры, от ее расцвета до ее увядания. С берегов Лесбоса, места ее рождения, из дорийской Эллады, из Великой Греции юга Италии, из золотого века Афин докатилась она до музейной Александрии — Рима — Византии. И здесь история поставила на язычестве и на ней крест.

Антология не претендует на полноту. Поэтому в ней так мало фрагментов. Глаз читателя нигде не наколется на полустрочие, двустрочие, на искалеченную строфу. Ее — задача воздействовать на живое чувство, а не вызывать археологический интерес.

Далеко не все авторы и жанры лирики включены в антологию. Иные поэты и песни вообще не получили русского перевода. Иные переведены, но именно — переведены, т. е. с показом техники перевода при поэтическом бессилии или уж слишком прозаично. Сознательно выпала «элегия» в эллинском смысле слова. Политическая ли, эротическая, боевая, нравоучительная, — но в ней, обычно, мало лиризма. К тому же она не песенная лирика — не мелика. В этом смысле есть только два отступления в книге. Включены ямбы. Звеном между меликой и ямбографами явился язвительный Архилох. Второе отступление: книга заканчивается поздней эпиграммой. Эпиграмма для классической эпохи — младший член поэтической семьи. Поздняя эпиграмма заместила все виды языческой лирики, в том числе и песенной.

Антология неожиданно оказалась богатой, хотя от богатства древней мелики — и сольной и хоровой — цельных стихотворений для чтения сохранилось чрезвычайно мало. Исключение — никем не читаемый Пиндар.

А между тем дошла до нас — в скрытом виде — эллинская мелика: она укрывалась в строфах, антистрофах и эподах трагедии, в лирико-патетических монологах героев, в плачах-комосах, в полудиало-

гах между героем и корифеем хора. Это — подлинная мелика. Но до сих пор никого не подстрекнула мысль извлечь ее из хоров трагедии.

Предъявить читателю хоры целиком со всеми загромождающими их мифологемами и резиниациями, без музыки и пляски, вне фабулы трагедии, — кто дочитал бы до конца собрание таких хоров? Не пришлось даже быть кладоискателем, — клад сам давался в руки: гимны, пеаны, трены, дифирамбы, баллады, картины природы выступали из глубины хорового действа. Иные монологи и лирические диалоги оказались сольными лирическими песнями: монодиями. Оставалось только дать им по возможности простые заголовки.

Читатель впервые сможет ч и т а т ь книгу эллинских стихов, а не грустить, с долей иронии к судьбам высокой культуры, над музейными реликвиями-фрагментами.

Я. Г.

АВТОРЫ ПЕРЕВОДОВ

Инн. Анненский • А. Баженов • К. Батюшков • Н. Берг • Р. Брандт В. Брюсов • О. Вейс • В. Вересаев Н. Гнедич • Я. Голосовкер • Д. Дашков • Г. Державин • В. Жуковский Ф. Зелинский • Вяч. Иванов • А. Иванов • Вс. Крестовский • М. Ломоносов • А. Майков • Л. Мей • Д. Мережковский • Л. Михайлов • Вл. Печерин • А. Пушкин • Н. Щербина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАСЦВЕТ

МЕЛИКА

АЛКЕЙ • САФО • АНАКРЕОН • АЛКМАН ИВИК • ПРАКСИЛЛА • СИМОНИД КЕОССКИЙ ПИНДАР • ВАКХИЛИД

АЛКЕЙ

Буря

Пойми, кто может, буйную дурь ветров.
Валы катятся — этот отсюда, тот
 Оттуда... В их мятежной свалке
 Носимся мы с кораблем смоленым,

Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода;
 Уже просвечивает парус,
 Весь продырявлен. Ослабли скрепы.

Но — злейший недруг — голову выше всех
Гребней подъемля. новый чернеет вал,
Беду суля и труд великий,
Прежде чем гавань спасут нас боги.

На Питтака

Притонов низких был завсегдатаем;
Опохмелялся в полдень несмешанным.
А ночью то-то шло веселье:
Гам бессловесным сменялся ревом.

Пошел он в гору; но не забыл в честях
Ни жизни прежней, ни площадных друзей:
Всю ночь о дно глубокой бочки
Наперебой черпаки стучали.

Заговорщикам

Медью воинской весь блестит,
Весь оружием убран дом —
Арею в честь.

Тут шеломы, как жар, горят.
И колышатся белые
На них хвосты.

Там медяные поножи
На гвоздях поразвешены;
Кольчуги там.

Вот и панцыри из холста;
Вот и полые, круглые
Лежат щиты.

Есть булаты халкидские,
Есть и пояс, и перевязь:
Готово все.

Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья, —
За что взялись.

Зима

Дождит Отец-Зевс с неба ненастного,
И ветер дует стужею Севера;
И стынут струйки дождевые,
И замерзают ручьи под вьюгой.

Как быть зимой нам? Слушай: огонь зажги,
Да — не жалея — в кубки глубокие
Лей хмель отрадный, да теплее,
По-уши в мягкую шерсть укройся.

Зимняя пирушка

Будем пить! И елей
Время зажечь:
Зимний недолог день.

Расписные на стол,
Милый, поставь
Чаши глубокие!

Хмель в них лей — не жалей!
Дал нам вино
Добрый Семелин сын —

Думы в кубках топить...
По два налей
Полные каждому!

Благо было б начать:
Выпить один, —
И за другим черед.

Лето

Сохнет, други, гортань, —
Дайте вина!
Звездный ярится Пес.

Пекла летнего жар
Тяжек и лют;
Жаждет, горит земля.

Не цикада — певец.
Ей ни по чем
Этот палящий зной:

Все звенит, да звенит.
В чаще ветвей,
Стрекотом жестких крыл,

Все гремит, — а в лугах
Злою Звездой
Никнет сожженный цвет.

Вот пора: помирай!
Бесятся псы,
Женщины бесятся.

Муж — без сил: иссушил
Чресла и мозг
Пламенный Сириус.

Фрагмент

Мнится: все бы нам пить, да пить!
Сладко в голову бьет вино, —
А там — хоть плачь!

Тяжким облаком ляжет хмель.
В мыслях — чад, на душе — тоска.
Себя коришь,

Сожалеешь — не весть о чем,
И веселый не весел зов:
«Ну, пей же, пей!»

Фрагмент

(Хоровая за пирушкой)

Черплем из кубков мы
Негу медвяную.
С негой медвяною
В сердце вселяются
Ярого бешенства
Оводы острые.

АЛКЕЙ И САФО

К Сафо

Святая Сафо!
С нежной улыбкой Сафо!
С кудрями цвета
Темной фиалки, Сафо!

Слететь готово
С уст осмелевших слово...
Но стыд промолвить
Мне запрещает слово!

Алкею

Когда б твой тайный помысл невинен был,
Язык не прятал слова постыдного, —
Тогда бы прямо с уст свободных
Речь полилась о святом и правом.

САФО

Гимн Афродите

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной.
Сжалься, богиня!

Ринься с высей горных, — как прежде было;
Голос мой ты слышала издалече;
Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым летом,
Крепкокрылая, над землею темной
Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сафо!» — слышу: «Вот я! О чем ты молишь?
Чем ты болеешь?

«Что тебя печалит, и что безумит?
Все скажи. Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я
Милой под иго?

«Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —
И безответно...»

О, явись опять — по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась, в ратоборстве нежном
Мне на подмогу!

Любовь

Мнится мне, как боги, блажен и волен,
Кто с тобой сидит, говорит с тобою,
Милой в очи смотрит и слышит близко
Лепет умильный

Нежных уст... Улыбчивых уст дыханье
Ловит он... А я. — чуть вдали завижу
Образ твой. — я сердца не чую в персях,
Уст не раскрыть мне!

Бедный нем язык, а по жилам тонкий
Знойным холодком пробегает пламень;
Гул в ушах; темнеют, потухли очи;
Ноги не держат...

Вся дрожу, мертвею; увлажнен потом
Бледный лед чела; словно смерть подходит..
Шаг один — и я, бездыханным телом,
Сникну на землю.

Разлука

Мнится, легче разлуки смерть, —
Только вспомню те слезы в прощальный час.

Милый лепет и жалобы:
«Сафо, Сафо! несчастны мы!
Сафо! как от тебя оторваться мне?»

Ей в ответ говорила я:
«Радость в сердце домой неси!
С нею — память! Лелеяла я тебя,

«Будешь помнить?.. Припомни все,
Невозвратных утех часы. —
Как с тобой красотой услаждались мы.

«Сядем вместе, бывало, вьем
Из фиалок и роз венки,
Вязи вяжем из пестрых первин лугов. —

«Нежной шеи живой убор,
Ожерелья душистые —
Всю тебя, как Весну, уберу в цветы.

«Миром царским волну кудрей,
Грудь облив благовоньями,
С нами ляжешь и ты — вечерять и петь.

«И прекрасной своей рукой
Пирный кубок протянешь мне:
Хмель медвяный подруге я в кубок лью...»

Аттиде

. . . .

. . . .

Издалече, из отчих Сард,
К нам стремит она мысль, в тоске желаний,

Что таить?
В дни, как вместе мы жили, ты
Ей богиней была, одна!
Песнь твою возлюбила Аригнота.

Ныне там,
В нежном сонме лидийских жен,
Как Селена, она взошла —
Звезд вечерних царицей розоперстой.

В час, когда
День угас, не одни ль струит
На соленое море блеск,
На цветистую степь луна сиянье?

Весь в росе,
Благовонный дымится луг;
Розы пышно раскрылись; льют
Сладкий запах анис и медуница.

Ей же нет,
Бедной, мира! Всю ночь она
В доме бродит... Аттиды нет!
И томит ее плен разлуки сирой.

Громко нас
Кличет... Чуткая, ловит Ночь
И доносит из-за моря,
С плеском волн, непонятных жалоб отзвук.

Фрагмент

Я негу люблю,
Юность люблю,
Радость люблю
И солнце.

Жребий мой — быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной.

Ожидание

Уж месяц зашел: Плеяды
Зашли... И настала полночь,
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!

Моление к Нереидам

На возвращение брата Харакса

Ты, Киприда! вы, Нереиды-девы!
Братний парус правьте к отчизне милой!
И путям пловца, и желаньям тайным
Дайте свершенье!

Если прежде чем прегрешил, — забвенье
Той вине! Друзьям — утешенье встречи!
Недругам — печаль... Ах, коль и врагов бы
Вовсе не стало!

Пусть мой брат сестре не откажет в чести,
Что воздать ей должен. В былом — былое!
Не довольно ль сердце мое крушилось
Братней обидой? —

В дни, когда его уязвляли толки,
На пирах градских ядовитый ропот:
Чуть умолкнет молвь — разгоралось с новым
Рвеньем злоречье.

Мне внемли, богиня: утешь страдальца!
Странника домой приведи! На злое
Темный кинь покров! Угаси, что́ тлеет!
Ты нам ограда!

Обиженной

. . . .
. . . .
Хмуришь бровь, на ласку мою не хочешь
Лаской ответить.

И друзей лишаешь стихов прекрасных,
Что под звучный строй семиструнной лиры
Расцвели бы в устах; на меня в печали
Копишь обиду.

Горькой желчью ты про себя питаешь
Душный гнев. Внемли ж: у меня ни злобы
В мыслях нет к тебе, ни отравы в сердце;
Мира хочу я...

К Дике

Венком охвати,
Дика моя,
волны кудрей прекрасных.

Нарви для венка
нежной рукой
свежих укропа веток.

Где много цветов,
тешится там
сердце богов блаженных,

От тех же они,
кто без венка,
прочь отвращают взоры.

Гимн Правде

О Правда! вплетать
Любо тебе
Зелень живую в кудри,

И гибкие ты
Нежной рукой
Ветви кустов ломаешь.

Зане веселит,
Правда, тебя,
В круге харит блаженных,

Весенний убор,
Кто ж не венчан,
Тот не угоден вышним.

Плач по Адонису

Что, Киприда, творить
Нам повелишь?
Никнет Адóнис,
Нежный Адóнис!

«Бейте в перси, взрыдав,
Девы, по нем!

Рвите хитоны!
Умер Адонис!»...

Плащаницей льняной
Ты повила
Тело, богиня!..
О, мой Адонис!

Фрагмент

...Обрела я ныне
Сладкий строй, и песню спою подругам.
К вам, прекрасным, сердце мое пребудет
Ввек неизменным...

Но восторг души охладел в подругах,
И высоких дум ослабели крылья...

Дочери

У меня ли девочка
Есть родная, золотая,
Что весений златоцвет —
Милая Клеида!
Не отдам ее за все
Золото на свете.

Фрагмент

Опять, страстью
Томима, влачусь без сил.
Язвит жало;
Горька и сладка любовь.

Фрагмент

Мать милая! станок
Стал мне постыл,
И ткать нет силы.

Мне сердце страсть крушит;
Чары томят
Киприды нежной.

Из свадебных песен

Яблочко, сладкий налив, разрумянилось там,
на высокой
Ветке, — на самой высокой, всех выше оно.
Не видали,
Знать, на верхушке его? Аль видали, — да взять —
не достали?

Брачный пир

(Фрагмент)

Напиток в котле
Был растворен амбросийный;
Его разливал
В кубки Гермес-виночерпий
Бессмертным гостям;
Полные чары подъемля,
Они жениху
Здравицу в лад возглашали.

Укоризна

Срок настанет: в земле
Будешь лежать,
Ласковой памяти

Не оставя в сердцах.
Тщетно живешь!
Розы Пиерии

Лень тебе собирать,
С хором подруг.
Так и сойдешь в Аид,

Тень без лика, к толпе
Смутных теней,
Стертых забвением.

АНАКРЕОН

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора.
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

* *
*

Поредели, побелели
Кудри — честь главы моей.
Зубы в деснах ослабели
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней;
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт,
Из него же нет исхода —
Всяк навеки там забыт.

* *
*

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы — не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно.
Нет! за чашей я пою,
Иль беседую невинно.

* *
*

На пиру за полной чашей
Мне несносен гость бесчинный:
Охмеленный затевает
Он и спор, и бой кровавый.
Мил мне скромный собеседник,
Кто, дары царицы Книда
С даром Муз соединяя,
На пиру беспечно весел.

К лесбиянке

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
    С девой пестрообутой.
Но, смеяся презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
    На другого глазеет.

* *
*

Мяч бросая пурпуровый мне,
Манит к играм меня Эрот
С этой резвой малюткою
    В разноцветных сандальях,

Но с Лесбоса она, увы,
И не любит седых волос;
Вспоминает с тоской в душе
О кудрях золотистых.

К Эроту

(Фрагмент)

Страшным ударом меня поразил ты, Эрот беспощадный!
Словно кузнец своим молотом, в сердце ударил и бросил
В бурный поток, разбушеванный зимним ненастьем.

К Дионису

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита багряная,
Черноокие нимфы
Сообща забавляются
На вершинах высоких гор, —
На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву.

Будь хорошим советником
Клеобулу. Любовь мою
Не презри, о, великий царь,
Дионис многославный!

Фрагмент

Пирожком я позавтракал,
Отломивши кусочек,
Выпил кружку вина, — и вот
За пектиду берусь я,
Чтобы нежные песни петь
Нежной девушке милой.

Артемон-выскочка

Этот Артемон... как нежится он в колеснице.
Сколько забот Еврипиле, красавице русой,
приносит.
. . . .
Некогда он в колпаке красовался пастушьем,
Некогда в уши вдевал деревянные серьги,
Чресла себе опоясывал лоскутом кожи бычачьей,
Содранной где-то с щита обветшалого...
Этот Артемон,
Да, этот гнусный любезник теперь посещает
Только пирожни, да истых развратников:
с помощью ихней

Может влачить он презренную жизнь беззаботно.
Сколько колодок ему надевали на шею,
Сколько раз, спину ременным бичом
взбороздивши,
Бороду всю и пригоршни волос вырывали.
Нынче достойное чадо Кинеи не может
Выехать из дому иначе, как в колеснице,
С цепью — из чистого золота слитой — на шее,
Зонтом из кости слоновой прикрытый,
как жены.

АЛКМАН

Фрагмент

Три времени в году, — зима,
И лето, осень — третье.
Четвертое ж — весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай...

Фрагмент

Милые девы, певицы прелестноголосые! Больше
Ноги меня уж не держат. О, если б мне быть
зимородком!
Носится с самками он над волнами, цветущими
пеной,
Тяжкой не зная заботы, весенняя птица морская

Фрагмент

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе, —
В нем собирай ты различную пищу.
Нет еще жара под ним, но наполнится
Скоро он кашей, которую в стужу
Любит всеядный Алкман подогретою.
Он разносолов различных не терпит,
Ищет он пищи попроще,
Которую ест и народ.

ИВИК

Безумящий Эрос

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедро питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне ж никогда не дает вздохнуть
    Эрос. Летит от Киприды он, —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией северный ветер
                    фракийский, и душу
Мощно до самого дна колышит
Жгучим безумием...

* * *

Эрос влажно-мерцающим взглядом очей своих
черных глядит из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличавшийся конь неохотно
под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

Фрагмент

Мирты, и яблоки, и златоцветы,
Нежные лавры, и розы, и фиалки.
И соловьев
Полная звуков заря
Будит, бессонная.

ПРАКСИЛЛА

Три фрагмента

* * *

Вспомни то, что сказал
Как-то Адмет:
Добрых люби душой,
Но от низких держись
Дальше: они —
Неблагодарные.

* * *

Пей же вместе со мной,
Вместе люби,
Вместе венки плети
И безумствуй, как я;
Вместе со мной
Благоразумен будь.

* * *

Вот что прекраснее всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — блестящие звезды
С месяцем, третье же — яблоки, спелые дыни и груши.

СИМОНИД КЕОССКИЙ

Жалоба Данаи

Когда кругом искусного ларца
Забушевали ветер, зной и волны, —
Она, с щеками, мокрыми от слез,
Персея шею нежно охватила
И молвила: «Дитя, как стражду я!
Ты ж тихо дышишь здесь и, безмятежно
Покоясь в наряде этом безотрадном,
Среди глубокой, непроглядной тьмы,
Предоставляешь, не тревожась, волнам
Катиться над головкою кудрявой
    И буре бушевать.
Ты улыбаешься в пурпуровой одежде...
Ах, если б ведал ты весь этот ужас,
Тогда внимал бы мне тревожным слухом...

Носись, дитя! пусть стихнут волны моря.
И пусть уснет отчаянье во мне...
Ты ж измени решенье роковое,
О, Зевс! А если просьба эта — грех,
Прости меня, отец, из-за младенца...»

ПИНДАР

Пифийская ода

Вступление

О кифара золотая, — ты, Аполлона и Муз
Темнокудрых равный удел.
Мере струнной — пляска, начало веселий,
внемлет;
Вторят лики сладкогласные,
Когда, сотрясенная звучно, — ты взгремишь,
Хороводных — гимнов подъемля запевы.
Копья вечного перуна гасишь ты,
И огнемощный орел
Никнет сонный, — никнет на Зевсовом скиптре,
Быстрых роняя чету — крыльев долу —
Князь пернатых; облак темный, — под изогнутой
главой

Вещим пеньем ты пролила,
Облик темный, — сладкий затвор зеницам зорким;
И под влажной дремой гнет хребет
Ударами струн побежденный... Сам Арес,
Буйный в бранях, — прочь отметнув копие,
Легковейным услаждает сердце сном.
Си́льны бессмертных пленять
Стрелы, их же — глубоколонные Музы
С чадом искусным Летó — мещут звонко.

Среброверхая Этна

Чистыми кипя ключами, — там неприступный огонь
Бьет из недр. Днем черный клубят
Огневые реки пожар: а во мраке хляби
Пышут бурей яропламенной
И скалы, вращая, уносят — с грохотом
Испровергнуть — в моря глубокий простор.
А подземный Змий Гефестовы ручьи
Грозные жерлом струит
Вверх. И чудо въяве предивное видеть.
Диво и повести внять — тех, кто зрели...
Как под Этны чернолистной — теменем и низиной,
На колючем ложе простерт,
Опирает узник об остны хребет язвимый...

ВАКХИЛИД

Пеан

(Фрагмент)

. . . .
Ирина благодатная! Достаток даришь

Ты смертным и медвяных песнопений цвет;
    На алтарях ты узорных
Тельчьи бедра возжигаешь и овец
    Белорунных в честь бессмертных.
    В школу спешит молодежь,
    Ей любы песнь и празднеств шум.
    А в рукоятях щитов
Железных житель тьмы, паук, уставил кросна.

Булат блестящих копий покрывает ржа;
    Гаснет мечей двулезвейных

Блеск, не слышно зова медных труб к заре:
Сон-волшебник не слетает,
Звоном их испуганный, с вежд:
До солнца тешит сердце он.
Шумом отрадных пиров
Наполнен град, и отрочьи гремят в нем гимны...

Фесей

(Дифирамб)

Хор

Провещай слово, святых Афин царь,
Роскошных ионян властодержец!
Продребезжала почто трубы медь,
Песнь бранную зычно протрубила?
Али нашей земли концы
Обступил и ведет грозу сечь
Враждебных ратей вождь?
Иль умыслив недоброе,
Грабят хищники пастухов стад,
Овец угоняют в плен?
Что же сердце твое мятет, царь?
Вещай! Али вдосталь, круг твоих рамен,
Нет надежи-дружинников,
Юных, сильных витязей,
О Пандиона чадо и Креусы?

Эгей

Приспешил скорой стопой гонец, пеш;
О долгий, измерил путь истмийский,
Провозвестить насказанных дел весть,
Что некий соделал муж великий.
Исполин от его руки,
Колебателя суши сын, пал —
От губительной веприцы
Вызволил кромионский лес он,
Скирон-беззаконник мертв.
Уж не мерит с гостьми тугих мышц
В борьбе Керкион. И молот выронил
Полипемона сын, Прокопт.
Мощь мощнейший превозмог.
Что-то будет? Чему дано свершиться?

Хор

И отколе сей богатырь, и кто он,
Поведал ли вестник? Ратной справой
Вооружен ли, одержит полк мног
С нарядом воинским? Иль, скиталец
Бездоспешный, блуждает он,
Мнимый пришлым купцом, один, в край
Из края, чуждый гость?
А и сердцем бестрепетен,
И могутен плечьми о тех мощь,
Изведавший крепость мышц.
С ним подвигший его стоит бог —
Промыслить отмщенье дел неправедных!

Но вседневных меж подвигов
Остеречься ль злой беды?
Время долго: всему свой час свершиться!

Эгей

Со двумя держит гриднями путь муж,
Поведал гонец. Висит булатный
Заповедный кладенец с белых плеч;
В руке два копья о древках гладких;
Да чеканки лаконские
Сверх кудрей огневых шелом светл;
Хитон на персях рдян;
Плащ поверх, фессалийских рун.
Очи полымя ярых жерл льют —
Лемносских горнил ключи.
Первым юности цветом юн он;
По сердцу ему потех да игрищ вихрь,
Те ли игры Аресовы,
Меднозвучных битв пиры —
И взыскал он Афин пышнолюбивых.

Юные жертвы, или Фесей

(Пеан).

Строфа I

Волны грудью синей рассекая,
Море критское триера пробегала,
А на ней к угрозам равнодушный

Плыл Фесей, и светлые красою
Семь юниц, семь юных ионийцев...
И пока в угоду Деве браней
На сиявший парус Бореады
Налегали девы, Афродита,
Что таит соблазны в диадеме,
Меж даров ужасных жало выбрав,
В сердце Миносу царю его вонзила,
И под игом страсти обезволен,
Царь рукой ланит коснулся девы,
Эрибеи, с ласкою коснулся...
Но в ответ потомку Пандиона
«Защити» юница завопила...
Обернулся витязь и, сверкая,
Заметались темные зеницы;
Жало скорби грудь ему пронзило
Под ее блистающим покровом,
И уста промолвили: «О, чадо
«Из богов сильнейшего — Кронида:
«У тебя бушуют страсти в сердце,
«Да рулем не правит совесть, видно,
«Что герой над слабыми глумится».

Антистрофа I

«Если жребий нам метали боги,
«И его к Аиду Правда клонит,
«От судьбы мы не уйдем, но с игом
«Произвола царского помедли.

«Вспомни, царь, что если властелином
«Зачат ты на ложе Зевса дщерью
«Финикса, столь дивно нареченный,
«Там, на склонах Иды, то рожденьем
«И Фесей не жалок: Посейдону
«Дочь меня Питфеева родила,
«Что в чертоге выросла богатом,
«А на пире брачном у невесты
«Золотое было покрывало,
«Нереид подарок темнокосых.
«Говорю ж тебе и повторяю,
«О, Кноссийских ратей повелитель,
«Или ты сейчас же бросишь, сам,
«Над ребенком плачущим глумиться,
«Иль пускай немеркнущей денницы
«Мне сиянья милого не видеть,
«Если я сорвать тебе позволю
«Хоть одну из этих нежных веток.
«Силу рук моих изведай раньше —
«А чему потом случиться надо,
«Это, царь, без нас рассудят боги».

Эпод I

Так доблестный витязь сказал и умолк;
И замерли юные жертвы
Пред этой отвагою дерзкой...
Но Гелиев зять, в разгневанном сердце
Узор небывалый выводит,

И так говорит он: «О Зевс, о отец
«Могучий, коль точно женою
«Рожден я тебе белорукой,
«С небес своих молнию сыну
«Пошли ты, и людям на диво
«Пусть огненной сыплется гривой!
«Ты ж, витязь, коль точно Эфра
«Тебя колебателю суши
«Дала Посейдону в Трезене,
«Вот эту златую красу,
«Которой десница сияла,
«Отважно в отцовский чертог снизойдя,
«Вернешь нам из дальней пучины.
«А внемлет ли Кроний сыновней мольбе,
«Царь молний, увидишь не медля»...

Строфа II

И внял горделивой молитве Кроний
И сыну без меры могучий
И людям на диво почет он родит.
Он молнией брызнул из тучи, —
И славою полный воспрянул герой,
Надменное сердце взыграло,
И мощную руку в эфир голубой
Воздел он, а речь зазвучала;
Вещал он: «Ты ныне узрел, о Фесей,
«Как взыскан дарами отца я,
«Спускайся же смело за долей своей

«К властителю тяжко гремящих морей,
«И, славой Фесея брядая,
«Заросшая лесом земля загудит;
«Коль так ей отец твой державный велит».
Но ужас осилить Фесея не смог:
Он на борт, он в море шагает, —
И с лаской приемлет героя чертог,
А в Миносе мужество тает:
Триеру велит он на веслах держать, —
Тебе ли, о смертный, судьбы избежать?

Антистрофа II

И снова по волнам помчалась ладья
Покорна устам Бореады...
Да в страхе теснилась афинян семья,
Бросая печальные взгляды
На пену, в которой сокрылся герой;
И в волны с сияющих лилий
Горячие слезы сбегали порой
В предчувствии тяжких насилий...
Фесея ж дельфины, питомцы морей,
В чертог Посейдона примчали, —
Ступил за порог, — и отпрянул Фесей,
Златого Нерея узрев дочерей:
Тела их, как пламя, сияли...
И локоны в пляске у дев развились,
С них ленты златые каскадом лились...
И, мерным движеньем чаруя сердца,

Сребрились их гибкие ноги.
Но гордые очи супруги отца
Героя пленяли в чертоге...
И Гере подобясь, царица меж дев
Почтила Фесея, в порфиру одев.

Эпод II

И кудри герою окутал венец...
Его темнорозовой гущей
Когда-то для брачного пира
Ей косы самой увенчала Киприда,
Чаруя, златые увила...
И чудо свершилось... для бога оно —
Желанье, для смертного чудо:
У острой груди корабельной, —
На горе и думы Кноссийцу, —
Фесей невредим появился...
А девы, что краше денницы,
Восторгом объяты нежданным,
Веселые крики подъяли,
А море гудело, пеан
Товарищей их повторяя,
Что лился свободно из уст молодых...
Тебе, о Делосец блаженный,
Да будешь ты спутником добрых,
О царь хороводов родимых.

ЯМБЫ

АРХИЛОХ • ГИППОНАКТ • СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

АРХИЛОХ

Тетраметры

Призыв к мужеству

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды
пред тобой.
Ободрись и встреть их грудью, и ударим
на врагов!
Пусть везде кругом засады, — твердо стой,
не трепещи!
Победишь, — своей победы напоказ
не выставляй,

Победят, — не огорчайся, запершись в дому,
не плачь!
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй!
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой
сокрыт.

* * *

Можно ждать, чего угодно, можно веровать
всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши
свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Всё должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться нам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем,
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

Обидчику

...Бурной носимый волной.
Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые — у них он настрадался бы,
Рабскую пищу едя! —

Пусть взяли бы его, — закоченевшего,
Голого, в травах морских,
А он зубами, как собака, ляскал бы,
Лежа без сил на песке
Ничком, среди прибоя волн бушующих.
Рад бы я был, если б так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал, —
Он, мой товарищ былой.

Фрагмент

О многозлатном Гигесе не думаю
И зависти не знаю. На деяния
Богов не негодую. Царств не нужно мне:
Все это очень далеко от глаз моих.

Фрагмент

От страсти обезжизневший,
Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
Насквозь пронзают кости мне.

СЕМОНИД АМОРГОССКИЙ

Из поэмы о женщинах

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
Одну из хрюшки он щетинистой слепил —
Все в доме у такой валяется, в грязи,
Разбросано кругом, — что где, не разберешь.
Сама ж — немытая, в засаленном плаще,
В навозе дни сидит, нагуливая жир.

Другую из лисы коварной создал бог.
Все в толк берет она, сметлива, хоть куда.
Равно к добру и злу ей ведомы пути,
И часто то бранит, то хвалит ту же вещь,
То да, то нет. Порыв меняется, что час.

Иной передала собака верткий нрав.
Проныра: ей бы все разведать, разузнать,

Повсюду нос сует, снует по всем углам,
Знай, лает, хоть кругом не видно ни души.
И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
Пусть зубы вышибет булыжником в сердцах.
Пусть кротко, ласково упрашивает он, —
Она и у чужих в гостях свое несет:
Попробуй одолеть ее крикливый нрав!

Иную, вылепив из комьев земляных,
Убогою Олимп поднес мужчине в дар.
Что зло и что добро — не по ее уму,
И не поймет! Куда! Одно лишь знает — есть.
И если зиму Зевс суровую послал, —
Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.

Ту из волны морской. Двоится ум ее:
Сегодня — радостна, смеется, весела.
Хвалу ей воздает, увидев в доме, гость:
«Нет на земле жены прекраснее ее,
Нет добродетельней, нет лучше средь людей».
А завтра — мочи нет — противно и взглянуть,
Приблизиться нельзя: беснуется она,
Не зная удержу, как пес среди детей;
Ко всем неласкова — ни сердца, ни души —
Равно́ — враги пред ней иль лучшие друзья.
Так, море иногда затихнет в летний день:
Спокойно, ласково, отрада морякам —
Порой же, грозное, бушует и ревет,
Вздымая тяжкие ударные валы.

Похожа на него подобная жена
Порывов сменою, стихийных словно понт.

Иной — дал нрав осел, облезлый от плетей:
Под брань, из-под кнута она с большим трудом
Берется за дела — кой-как исполнить долг.
Пока же ест в углу подальше от людей —
И ночью ест и днем, не свят ей и очаг.
А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
Приятелю-дружку любому вход открыт.

Иную сотворил из ласки — жалкий род!
У этой ни красы, ни прелести следа,
Ни обаяния, — ничем не привлечет.
А к ложу похоти — неистовый порыв,
Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
Да вороватостью соседям вред чинит
И жертвы иногда — не в храм несет, а в рот.

Иная род ведет от пышного коня:
Заботы, черный труд — ей это не подстать.
Коснуться мельницы, взять в руки решето,
Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
К печи подсесть — ни-ни! — от копоти бежит.
Насильно мил ей муж. Привычку завела
Купаться дважды в день и трижды, коль досуг.
А умащениям — ни меры, ни числа.
Распустит локонов гривастую волну,
Цветами обовьет и ходит целый день.

Пожалуй, зрелище прекрасное жена,
Как эта, для иных, — для мужа — сущий бич.
Конечно, если он не царь или богач,
Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.

Иную сотворил из обезьяны Зевс:
Вот худшее из зол, что дал он в дар мужам.
Лицом уродлива. Подобная жена
Идет по городу — посмешище для всех.
И шея коротка; едва, едва ползет;
Беззадая, как жердь. Увы, бедняга муж!
Что за красотку он обвить руками рад!
На выдумки ж хитра, уверткам счету нет,
Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
Добра не сделает, пожалуй, никому.
Но занята одной лишь думой день деньской:
Какую пакость бы похуже учинить.

Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
Пред ней одной уста злословия молчат;
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней,
Потомство славное и сильное родив.

Средь прочих жен она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.
Вот лучшая из жен, которых даровал

Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
А прочие, увы! по промыслу его
И были бедствием и будут для мужей,

Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил,
И голод вытолкнет не скоро за порог:
А голод — лютый враг, сожитель — демон злой.
Чуть муж для праздника повеселиться рад:
Во славу ль божию иль, там, почтить кого,
Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
Верь, у кого жена, тому не к дому гость,
Заезжего с пути радушие не ждет,
И та, что с виду всех невинней и скромней,
Как раз окажется зловреднее других.
Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:
Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост.
Свою-то хвалит всяк — похвал не наберет,
Чужую, — не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая, — о том не знаем мы;
Ведь это зло из зол, зиждитель создал, Зевс,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в Аид, во мрак
В борьбе за женщину — герои и вожди.

ГИППОНАКТ

Гермесу

Гермес, сын Майи милый, Килленский славный бог,
Молюсь тебе усердно: жестоко я продрог.
Дай хлэну Гиппонакту, плащишко шерстяной
Да башмачишек пару с сандальями устрой,
Да шестьдесят червонцев, что скрыты за стеной.

* *
*

Не дал еще ты вовсе мне хлены шерстяной,
Чтобы зимой укрыться я мог от стужи злой;
Не дал мне ног в мохнатых понежить башмаках;
А мог я отморозить ступни свои в снегах.

На Плутоса

Еще ни разу Плутос — должно быть, слеп он стал —
Войдя ко мне в домишко, любезно не сказал:
«Дарую Гиппонакту мин тридцать серебра
И многое другое». Он глуп: не жду добра.

Приятелю

Я жалко жизнь покончу, от холода стеня,
Коль не пришлешь скорее мне меры ячменя,
Чтоб из муки ячменной, разболтанной в вине,
Желудку в утешенье, похлебку сделать мне.

Живописцу

Постой, художник злостный: как смеешь ты опять
Вдоль борта всей триеры змею свою писать?
Она ползет от носа как раз, ведь, на корму —
И страшное несчастье представилось уму:
Увы, бедняга-кормчий простится с жизнью сей,
Когда его в колено ужалит лютый змей.

ТРАГЕДИЙНАЯ СОЛЬНАЯ МЕЛИКА

ЭСХИЛ • СОФОКЛ • ЕВРИПИД.

ЭСХИЛ

Кара Прометея

Исполняется слово Зевеса: Земля
Подо мною трепещет.
Загудело раскатами эхо громов,
Пламя молний сверкает,
Закружилася вихрями черная пыль.
Налетели и сшиблись
Все противные ветры. Смешались в борьбе
Волны моря и воздух.
Узнаю тебя, Зевс! Чтоб меня ужаснуть,
Ты воздвиг эту бурю.

О Земля, моя мать! о небесный Эфир,
Свет единый, всеобщий!
Посмотрите, какие страданья терплю
Я от бога — невинный.

Ио-страдалица

Что за край, что за люди? Кто там на скале,
Обвеваемый бурями,
Тяжко стонет в цепях? О, скажите, за что
Он прикован безжалостно?
О, скажите, в какую страну забрела
Я несчастная?

Увы, увы!
Овод пронзил меня жалом,
Аргуса призрак. Спасите!
Страшно мне! Видите, вот он —
Тысячеглазый!
Вот он — со взором лукавым
Мертвый восстал из земли,
Вышел из ада,
Гонит меня по прибрежным пескам,
исхудалую.

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой.
Гимн усыпительный. Горе,
Горе! Куда забрела я скиталица?
Зевс, о, за что ты меня на страданье обрек?

Мучишь, преследуешь полную ужасом
Жалкую деву, безумную?
Громом убей меня, в землю укрой,
Брось на съедение гадам морским!
Боже, внемли
Стонам моим!
Я уж скиталась довольно.
О, если бы знать мне,
Где мой приют.
Слышишь ли жалобы бедной изгнанницы?

Видение Кассандры

Аполлон! Аполлон!
Куда ты привел меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь удар!

Аполлон! Аполлон!
Куда ты привел меня! — в какой привел дом!

Дом ненавистный богам!.. Злодеяний вертеп!
Удушье! убийство!.. Стены и пол
Человеческой политы кровью!

Словно в кровавый туман я гляжу...
Вон — душат детей!..
Жарят — отцу подают на обед...

Она... Что она замышляет?
Что там готовит еще?
Новое горе! горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!..
И нет спасенья кругом!

Несчастная! ты приступила уж к длу...
В баню ведешь его, мужа-владыку...
Не успеваю и говорить...
Так все быстро вершится... вон она,
вся дрожа...
Протянула уж руки к нему...

Боги! Что вижу еще!
Адская сеть!
Это брачное их покрывало...
Фурии! фурии!
Ненасытимая кровью проклятого этого рода!
Запевайте ужасную песнь...
Новую жертву встречайте!

Смотрите — ах! ах! удержите, держите ее!.
Накинула адский покров...
Опутала... боги!.. удар!
Упал он — упал.

Ах! вот и мне, злополучной, конец!
Жребий мой связан с его!

Что ж ты привел меня в дом свой! Зачем?
Или затем, чтоб одной смертью с тобой
умереть!

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали бессмертные крылья ей быстрые,
Дали бесслезную, вольную жизнь...
Мне же двуострый нож впереди.

СОФОКЛ

Самоослепление Эдипа

Я несчастный, несчастный!.. В какие места,
О мой демон, завел ты меня? И зачем
Вдруг рассеялся стон мой в воздушных волнах?
О куда ты завел меня, демон?

О мрак! О мрак!
Муть ужасная, несказанная,
Тьма проклятая, непроглядная!
О горе!
И снова горе. Боль терзает плоть,
Терзает душу память лютых дел.

О друг мой, друг!
Ты один из всех верность мне хранишь;
Да, тебе слепца не противен вид.
О горе!

Хоть я и темный — речи до меня
Донесся звук, и я тебя узнал.

Аполлон то был, Аполлон, друзья!
Он делам моим злой исход послал.
Но их своей рукой я вырвал — без
сторонних сил.
Света дар — к чему?
Что мог отрадного увидеть я?

Куда глядеть стал бы я,
С кем любовно речь вести,
Чьему привету отвечать, друзья?
Ах, отправьте в даль поскорей меня!
Я погибелью над землей навис,
Проклял сам себя и богам родным
Ненавистен стал.

Вина Аянта

Он виной, что нежных венков
Нет для нас, что радостный звон
Мы глубокой чарки забыли,
Он, несчастный, сладкий напев
Звучной флейты отнял у нас,
Отнял сна ночного отраду.
Любви, любви лишил он нас, о горе!

Мы без ласки лежим; в кудрях
Виснут капли росы ночной
Будем помнить тебя вовек,
О постылая Троя!

Над спящим Филоктетом

Сон — избавитель от горя, от недуга,
Сон благовейный!
Вежды надолго смежи утомленному
И над очами зарю золотистую
Мира иного разлей!
Сон-исцелитель, явись!
А нам, дитя, где ход, где отдых?
Каков ближайший путь забот?
Ты видишь сам, он скован дремой;
Доколь же ждать велишь ты делу?
В выборе времени — опыт премудрости;
Все вершает Добрый час!
. . . .
Ветер, ветер подул нам!
Он не в покое бессветном, беспомощном
Спит, распростертый под сенью туманною;
Свесились руки, и ноги не движутся,
Разум угас, точно житель Аида он!
Смотри же, не медлит час!
Свободный от страха труд —
Вот лучший труд: не хватает дальше ум мой.

Прощание Антигоны

Видите, граждане: ныне последний
Путь совершаю, смотрю на последний
Солнца вечернего свет.
Солнце мне больше не видеть вовеки:
К чуждым брегам Ахерона, в могильный,
Всех усыпляющий мрак,
Смерть уведет меня, полную жизни,
Смерть приготовит мне брачное ложе,
Свадебный гимн пропоет.

Там, на вершине Сепила, от горя
Мать Ниобея в скалу превратилась:
Всю, как побеги плюща,
Камень ее охватил, вырастая;
В тучах, под ливнем и тающим снегом
Плачет она, и дождем
Вечные слезы струятся на лоно:
В каменной, душной тюрьме мне готовят
Боги такую же смерть.

Ныне путь последний совершаю
Без родных, без милых, без участья —
И лучей божественного солнца
Больше мне вовеки не увидеть.
Я одна — пред смертью в целом мире,
И никто меня не пожалеет.

Горе Филоктета

(После похищения его лука)

О, пещеры приветный мрак,
Теплый в стужу, прохладный в зной!
Знать, судьба не была с тобою
Мне расстаться, и в смерти час
Ты приютом мне будешь.
Ах!

Лоно скал, что́ наполнил я
Стоном жалобным мук моих,
Кто в нужде мне насущной
Помощь даст? Кто укажет мне
В бездне томлений надежду-кормилицу?
О птиц вольный рой,
Смело резвитесь с ветрами звенящими:

Моей не стало силы!
О несчастная жизнь моя!
О разбитая горем грудь!
Нет уж друга в грядущем мне,
Нет; в пустыне немой один
Жалкой смертью погибну.
Ах!

Уж не взовьется в лазурь небес
Легкий вестник могучих рук,
Корм живой добывая;

Все коварный унес обман —
Вкрался умело он в сердце открытое
О Зевс! Дай ему,
Зла измыслителю, столько же времени
В моей томиться доле!

ЕВРИПИД

Томление Федры

Подняться хочу я... Поднять с изголовья
Мне голову дайте... Нет силы... Все тело
Мое разломило... За белые руки
Возьмите меня вы, за белые руки
Возьмите меня вы, за слабые руки.
Долой покрывало!

Мне ключ бы гремучий, студеный и чистый:
Воды бы оттуда напиться... я после
В развесистой куще б улечься хотела,
Среди тополей и на зелени нежной.

Оставьте... Туда я... Я в горы хочу,
Где ели темней. Где хищные своры
За ланью пятнистой гоняются жадно.

О, ради богов!..
Когда бы могла я живить ее свистом,
О, если бы дротик к ланите под сенью
Волос золотистых приблизить могла я!..

Туда, Артемида, царица приморья,
Где кони песчаные отмели топчут!
О, если б туда мне теперь, на арену,
И мне четверню бы Венетскую в мыле!

Несчастная! Что я? Что сделала я?
Где разум? Где стыд мой? Увы мне! Проклятье
Злой демон меня поразил... Вне себя я
Была... бесновалась... Увы мне! Увы!
Покрой меня, няня, родная, покрой...
Мне стыдно безумных речей...
О, спрячь меня! Слез не удержишь... бегут.
И щеки горят от стыда... возвращаться
К сознанью так больно, что, кажется, лучше,
Когда б умереть я могла, не проснувшись.

Умирающая Алкеста

Солнце веселое, здравствуй!
        В вихре эфирном и ты,
Облако вольное, здравствуй!
Ты, о земля, и чертог наш,

Девичий терем и ты,
Город мой отчий... простите!..

Уж вот они... вот... на воде...
Челнок двухвесельный, и там
Меж трупов Харон перевозчик.
На руль налегая, зовет он...
«Что медлишь?
«Что медлишь? — кричит, — торопись...
«Тебя только ждем мы... Скорее!»

Уводит... Уводит меня.
Не видишь ты разве? Туда,
Где мертвые... Пламенем синим
Сверкают глаза... Он — крылатый.
Ай!.. Что ты?
Оставь нас! В какой это путь
Меня снаряжаешь?.. Мне страшно...

Оставьте, оставьте... меня...
Стоять не могу... Положите...
Аид надо мною...
Ночь облаком глаза мои покрыла...
О, дайте мне детей моих, детей!..

* * *

Девы крылатые!
Дети земли, сюда!
Сюда, о сирены, на стон

Песни надгробной, девы,
С флейтой ли Ливии
Иль со свирелью вы, —
Слезного дара жду
Скорби взамен моей:
Муку за муку мне,
Песню за песню мне
В сладком созвучии!
Пусть Персефона примет от нас
В темном чертоге своем
Жертву рыданий для милых,
Милых усопших.

Сетование Елены

О, увы! увы! увы!
Под фригийской ли секирой,
Или эллинской, упала
Ель, в которой столько слез,
Столько слез троянских было?
Из нее ладью и весла
Приамид себе устроил,
К очагу спартанца ехать
За моею злополучной
Красотой — для ласки брачной.
О Киприда, о царица
И обманов и убийства!

Это ты хотела смерти
Для данайцев и троян —
Вот судьбы моей начало!
Зевса строгая подруга
Окрылила сына Маи
Словом воли непреложной.
И от луга, где, срывая
Со стеблей живые розы,
Наполняла я беспечно
Ими пеплос, чтоб богине
Посвятить их Меднозданной, —
Неповинную Елену
По стезе Гермес эфирной
В этот грустный край уносит
Для раздора, для раздора
Меж Элладой и Приамом,
Чтоб напрасные укоры
На прибрежье Симоента
Имя резали Елены.

Елена и Менелай

Я нашла его: какая радость!
    Я его, лаская, обнимала...
Сколько дней, о милый, сколько дней!..
Я дрожу от радости. Желанья
Волосы на голове вздымают,
И к тебе я крепко прижимаюсь:
Ты — мой муж, мой муж, моя отрада!

Плач Гекубы над трупом Полидора

Трен

Мальчик, мальчик мой!
Пенясь в безумье,
Губы поют мои...
Выходец ада
Песнь мне внушает.

Нежданный грех!
Неслыханный удар!

К горю прежнему
Горе новое!
Уж не вижу дней
Пред собою я
Без горючих слез,
Без стенаний жалких!

Увы, о горе... о сон...
Я сон узнала свой!
Ты, сон чернокрылый,
Чтó видела я.
Тебя, знать, вещал он,
Вещал, что ушел ты
От божьего света
В обитель теней.

Рассвет

Четверня с горящей колесницей...
Это Гелий огибает землю,
И бегут испуганные звезды
В лоно свежей ночи.
Уж Парнаса, недоступны людям,
Нам на радость осветились выси,
Уступая солнцу,
И безводных в сенях Аполлона
Смол клубятся дымы.
На треножник села освященный
Дельфов дочь и Эллинам поет,
Фебовы угадывая речи.

ТРАГЕДИЙНАЯ ХОРОВАЯ МЕЛИКА

ЭСХИЛ • СОФОКЛ • ЕВРИПИД

ЭСХИЛ

Обреченный Атлас

Одно мы прежде знали:
Бога, скованного цепью,
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечах могучих держит
Беспредельный свод небес.
Волны падают на волны;
Плачет море, стонут бездны,
Под землей в пещерах черных
Содрогается Аид, —
И текут, как слезы горя,
Родники священных гор.

Прометей-вольнодумец

Ты исполнен силы гордой,
Не уступишь лютой скорби
Никогда, — но берегись:
Слишком речь твоя свободна,
За тебя во мне трепещет
Сердце страхом и тоской.
Где конец твоим страданьям,
Где прибежище от бури?
Ведь у Кроносова чада
Непреклонная душа.

Песнь эриний

Матерь Ночь! На казнь, о мать
　　Ночь, меня родила ты
Тьмы слепцам, жильцам света.
Слышишь, мать? Сын Лето,
Власть мою мнит умалить!
Ловчей лов отнял он...
Мать убил — пойман был —
Им владеть претит мне бог!
　　Песнь мы поем: ты обречен!
　　Мысли затмит, сердце смутит,
　　Дух сокрушит в тебе гимн мой —
　　Гимн эриний, страшный гимн!
　　Пеньем скован, иссушен,
　　Кто безлирный слышал гимн.

Ты, насквозь разящая,
    Рок мой выпряла, Мира!
    Я ж обед дала крепкий:
Править сыск лютых дел,
Гнать, ловить лиходея.
Слышит он по пятам
Черный смерч. Он в Аид —
    Я за ним: навек он мой!
    Песнь мы поем: ты обречен!
    Мысли затмит, сердце смутит,
    Дух сокрушит в тебе гимн мой —
Гимн эриний, страшный гимн!
Пеньем скован, иссушен,
Кто безлирный слышал гимн.

. . . .

    Дождешься нас — в грозный час
    Мы знаем путь, знаем цель,
        И зло, все зло — помним,
    И не прощаем: святы мы.
    Ни чести нам, ни места нам нет
    Ни меж людей, ни у богов.
        Не светит свет в дом наш,
Нет в неприступную пустынь дороги
    Зрячим дня, ни тьмы слепцам.

СОФОКЛ

Пеан

В свадебном весельи
    Возликуй, чертог!
Дружной песней славьте,
Юноши, владыку:
Аполлон вам внемлет,
    Сребролукий бог.
Пойте, девы, звонко:
    «О пеан, пеан!»
Ту, что в мраке ночи
Светочи возносит,
Чья стрела пугливых
Ланей поражает —
Ваша да прославит
Артемиду песня,
    С ней соседних нимф!

Дифирамб

Помчусь и восторженной пляской
Отвечу на флейты призыв.
Ты видишь, меня возбуждает
Твой плющ, эвоэ! всемогущий
Владыка ума моего:
В вакхической радости гонит
Прислужниц своих Дионис.

К пану

В волненьи радостном свободно дышит грудь.
Сюда, сюда, пан, пан!
Брось Киллены седую высь,
Брось ее каменистый кряж,
И чрез море сюда прийди,
Ты, веселых богов товарищ!
Как по Нисе под меди звон
Пляшет Вакха безумный хор,
Или под Кноссом, где юный бог
За себя Ариадну взял,
Так и нас научи плясать ты!

К Эроту

Эрот, твой стяг — знамя побед.
Эрот, ты царь в сонме богов;

Ты и смертному сердце жжешь
С нежных щек миловидной девы.
Подводный мир чует твой лет; в чаще лесной
гость ты;
Вся бессмертная рать воле твоей служит;
Всех покорил людей ты —
И, покорив, безумишь.
Тобой не раз праведный ум
В неправды сеть был вовлечен;
Ты и ныне лихую рознь
В эти души вселил родные.
Преграды снес негой любви взор молодой девы —
Той любви, что в кругу высших держав судит.
Нет поражений играм
Царственной Афродиты.

Край Колона

В землю гордых коней, мой гость,
Ты пришел, красоты отчизну дивной —
В край цветущий Колона; здесь
День и ночь соловей поет;
Звонко льется святая песнь
В шуме рощи зеленой.
Люб ему темнолистый плющ,
Люб дубравы священной мрак,
Кроткого бога листва многоплодная,
Приют от бурь и зноя;

Всегда с сонмом вакханок здесь,
Всегда в пляске ночной резвясь,
Кружится
Он сам — Дионис желанный.

Здесь, небесной росой взращен,
Вечно блещет нарцисс красой стыдливой,
Девы-Коры венечный цвет;
Вечно рдеет шафрана здесь
Ярый пламень над пеной волн
Вдоль ручьев неусыпных.
В них Кефиса журчат струи;
День за днем по полям они,
Грудь орошая земли материнскую,
Живой играют влагой.
О, хор муз возлюбил наш край,
И в златой колеснице к нам
Нисходит
Волшебница Афродита.

Упрек

Как в пучине, разъяренной
Под крылом ветров могучих,
Справа, слева вал за валом
Ударяет на пловца,
Так и витязя-кадмейца
То крутит, то вновь возносит

В многотрудном море жизни
Разъяренная волна.
Все же бог его поныне
От обители Аида
Невредимого спасал.

Дай же в речи дружелюбной
Упрекнуть тебя, подруга:
От надежды ты отрадной
Отрекаться не должна.
Ведь и царь — вершитель мира,
Зевс-Кронид, в земной юдоли
Дней безоблачного счастья
Человеку не судил,
И Медведицы вращенье
С ночью день и с горем радость
Чередует для людей.

Бой за Деяниру

Посыпались рук богатырских удары,
Под стуком копыт загудела земля,
Рога заскрипели; стоял над поляной
Вперемежку рев и стон.

Вот строятся «лестниц» крученые козни,
Вот гибельной «плигмы» исход роковой;
А нежная дева о взоре прекрасном
На кургане мужа ждет.

Ах, как зритель равнодушный,
Я пою о славной брани;
Но был жалостен невесты
Дожидающейся лик,
Жалостен, когда расстаться
Ей с родимою велели
И как сирую телицу
На чужбину увели.

Элегический фрагмент

Дань слезы кому воздам?
Чаша горя где полней?
Ах, тяжел несчастной суд!
Скорбь глухую дом таит;
Скорби с моря ждет душа;
Здесь иль там — не все ль одно?

Убийство Агамемнона

Стон стоял в возврата ночь,
Стон стоял над ложем мук,
Стон секиры встретил взмах,
Над главой царя взнесенной.
Ее хитрость вручила, любовь подняла;
Они ужаса образ потомству всему,
Сговорившись, явили, — будь смертный иль бог
Казни той вершитель.

Филоктет-Страдалец

Ах, болеет о нем душа.
Нет ухода за ним, далек
Взор участливый, день и ночь
Стонет он, одинокий.
Язвы яд его кровь точит,
В муках корм добывает он —
Страшно думать, как мог бедствий таких
Он пересилить гнет.
О произвол богов!
О жестокий удел людей,
Счастья зыбкие грани!

Отпрыск славных мужей, судьбы
Первый баловень средь своих —
Всех он жизни даров лишен,
Всеми ныне покинут.
Зверь лесной ему гость и друг,
Голод — брат и болезнь — сестра;
Одр его стережет ночью и днем
Мук неотлучных сонм.
Тщетно рыдает он:
Эха лишь неумолчный зов
С дальних скал ему вторит.

Знаменье

Над чертогом повис Орел;
Лесом гибельных копий он

Обложил семивратный вал.
Но вкусить не пришлось ему
Нашей крови, и смольный огнь
Не коснулся венца твердыни.
Вспять направил гордый он лет,
Над спиной услышал своей
Шип зловещий: хищник узнал
    Силу бранную Змея.

Гимн Киферону

Если мой разум меня не обманет,
Если предвиденьем я одарен,
Завтра ж, клянуся, лишь только настанет
Час полнолуния, о Киферон,
Будем мы, шумно предавшись веселью,
Праздновать день торжества твоего:
Ты для Эдипа служил колыбелью,
Матерью, пестуном детства его.
Пляской священной почтим всенародно
Подвиг твой в славу фивейских царей:
Феб, наш спаситель, лишь только б угодно
    Было то воле высокой твоей!

Кто же родил тебя? Нимфа ль лесная
Паном настигнута горным была?
Или избранница Феба младая
Жизнь тебе некогда, сын мой, дала?
Любит скитаться и он одиноко

В дикой глуши, по пустынным холмам, —
Бог ли властитель Киллены высокой?
Вакх ли, бродя по скалистым горам,
Поднял тебя в геликонских дубравах?
Там, хороводами нимф окружен,
В играх веселых и резвых забавах
  Время проводит охотнее он.

Чума в Фивах

О горе, страданьям моим нет числа:
Народ в злом недуге томится,
Оружия слабая мысль не нашла,
И нечем от зла защититься.
Земные плоды перестали всходить
На нивах, когда-то обильных;
Не могут несчастные жены сносить
Рождения мук непосильных.
И скорбные тени одна за другой
Летят как крылатые птицы:
Быстрей непосильной волны огневой
На берег вечернего бога крутой
Уносятся их вереницы.

Бесчисленны жертвы, пустеет наш град,
И, смертью другим угрожая,
Ряды неоплаканных трупов лежат,
Живых сostраданья не зная.
Вот множество жен и седых матерей

Стекаются с громким рыданьем
И молят, припав к ступеням алтарей,
Конца нестерпимым страданьям.
И ясно пеан раздается, а с ним
Сливаются вопли и стоны.
О будь милосердна к мученьям таким,
Златая дочь Зевса! с мольбой мы стоим
И просим от бед обороны.

Жребий смертных

Горе, смертные роды, вам!
Сколь ничтожно в глазах моих
    Вашей жизни величье.

Кто меж вас у владык судьбы
Счастья большую долю взял,
Чем настолько, чтоб раз блеснуть
    И, блеснувши, угаснуть?

Твой наукою жребий мне,
Твой, несчастный царевич, твой;
От блаженства грядущих дней
    Уж не жду ничего я.

Ты ль, безмерной удачи, в высь
Дрот метнул и с небес сорвал
    Счастья дар без изъяна?
Ты — о Зевс! — сокрушил в те дни

Вещей девы жестокий пыл;
Ты несчастной стране моей
    Стал от смерти оплотом.
С той поры ты царем слывешь,
Ты венец у людей стяжал
Высшей чести — великих Фив
    Богоравный владыка.

А ныне где — — мрак погибели черней?
Где глубже грех? — — Резче смена жизни где?
    Насмешка рока где полней?
О царь, — — славный средь царей, Эдип!
        Терем ждал тебя —
        Терем страшных нег;
        В нем отец и сын
        От одних пылали уст!
    Боги! могла ли столько лет
    Нива отца тебя терпеть —
Молча терпеть — — ужас несказанный!

Смерть и старость

    Кто за грани предельных лет
    Жаждет жизни продлить стезю —
    Тщетной дух упоив мечтой,
Станет для всех суеты примером.
    День за днем свой исполнит бег,
    Горе к горю прибавит он;

Редко радости луч сверкнет,
Раз сверкнет — и угаснет вновь.
И все ж пылаем жаждой мы
Большей доли; но утолитель
Равноудельный
Ждет нас, подземной обители жребий,
Чуждая свадеб и плясок и песен
Смерть — и конец стремлениям.

Высший дар — нерожденным быть;
Если ж свет ты увидел дня —
О, обратной стезей скорей
В лоно вернись небытья родное!
Пусть лишь юности пыл пройдет,
Легких дум беззаботный век:
Всех обуза прижмет труда,
Всех придавит печали гнет.
Раздоры, смуты, битвы, кровь
Жизнь уносят; а в завершенье
Нас поджидает
Всем ненавистная, хмурая осень.
Чуждая силы и игр и веселья
Старость, обитель горя.

Моление к Аидонею

Если доступна ты
Гласу мольбы моей,
Тьмы вековой царица —

Если ты внемлешь мне,
Аидоней! Аидоней!
Вас молю:
Пусть наш гость
Смертью безбольною,
Смертью бесслезною
Снидет к вам
В мглистый приют теней,
В незримого царства
Укромный покой.
Несчетных мук в жизни дни
Жала испытал Эдип;
Да будет он богом возвеличен.

Силы подземные!
Необоримый зверь!
Ты, что у врат железных
Бодрствуешь день и ночь,
Ты, чей вой в тьме пещер
Нас страшит:

Кротко прими его,
Бездны полунощной
Грозный страж!
Смерть!
Ты, Земли и Эреба дщерь!
Незлобной рукой веди его
На тихий луг, где в тени
Мреет душ бесплотных рой.
Тебя молю: сон дай гостю вечный.

Человек-победитель

Много в природе дивных сил,
Но сильней человека — нет.
Он под выюги мятежный вой
Смело за́ море держит путь;
Кругом вздымаются волны —
Под ними струг плывет.
Почтенную к богиням, Землю,
Вечно обильную мать, утомляет он;
Из году в год в бороздах его пажити,
По ним плуг мул усердный тянет.

И беззаботных стаи птиц,
И породы зверей лесных,
И подводное племя рыб
Власти он подчинил своей:
На все искусные сети
Плетет разумный муж.
И гордый лев пустыни дикой
Силе его покорился, и пойманный
Конь легкогривый ярму повинуется,
И царь гор, тур неукротимый.

И речь, и воздушную мысль,
И жизни общественной дух
Себе он привил; он нашел охрану
От лютых стуж — ярый огнь,
От стрел дождя — прочный кров.

Благодолен. Бездолен не будет он в грозе
Грядущих зол; смерть одна
Неотвратна, как и встарь,
Недугов же томящих бич
Уж не страшен.

ЕВРИПИД

Гимн Артемиде

Дева владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латоны нет
В мире прекраснее.
О, Артемида, нам
Нет и милее тебя:
В златом украшенных
Залах отца богов
Сколько чарующих,
Сколько небесных дев,
Ты между них одна
Девственно чистая,
Солнца отраднее
Ты, Артемида, нам!

К Эроту

О Эрот! О Эрот!
На кого ополчился ты,
Тем глаза желанье туманит,
В сердце сладкая нега льется...
Но ко мне не иди, молю тебя,
Ни с бедой, Эрот, ни в ярости.
Нет такого огня, и лучи светил
Со стрелой не сравняются горние,
Что из рук своих мечет в нас
Дия сын, и стрелой Кипридиной...

Власть любви

О, Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И над черной землею с тобою,
И над влагой соленой и звучной,
Как радуга, яркий Эрот
На быстрых крылах пролетает...
И если он бурный полет
На чье-нибудь сердце направит,
То дикое пламя мгновенно
От золота крыльев
Там вспыхнет любви и безумья,
А чары его
И в чаще, и в волнах таимых

Зверей укрощают и все,
Что дышит в сиянии солнца,
И люди ему
Покóрны. Твоя, о, Киприда,
Весь мир наполняет держава.

Любовь Федры

Холодна и чиста и светла
От волны океана скала;
Там поток, убегая с вершины,
И купает и поит кувшины.
Там сверкавшие покровы
Раным-рано дева мыла,
На хребет скалы суровый,
Что лучами опалило,
Для утехи для багровой,
Расстилая, их сушила:
О царице вестью новой
Нас она остановила.

Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солнца не видит она,
И ланиты с косой золотою
За кисейною прячет фатою.
Третий день уж наступает,
Но губам еще царица
Не дала и раствориться,
Все уста оберегает

От Деметры дивной брашна,
Все неведомой томится
Мукой, бедная, — и страшный
Все Аид ей, верно, снится.

К Афродите

Благо тому, кто из чаши чар
Капля за каплей умеет пить
Светлый дар Афродиты:
Жало безумья не жжет его,
Волны баюкают нежные,
Там, где в колчане соблазнов две
Бог златокудрый стрелы хранит —
Ту, что блаженным навек человека творит,
С той, что и сердце, и жизнь отравит.
Эту вторую гони от меня,
Сжалься, богиня дивная!
Чистого дай мне желанья дар,
Нежною страстью лаская меня!
Буду служить, Афродита, тебе
В венке посвященных, не в рабства цепях.

Покинутая Медея

О, бурное сердце мэнады!
Из отчего дома, жена,
Должно быть, пробив Синплегады,
Несла тебя злая волна.

Ты здесь на чужбине одна,
Муж отдал тебя на терзанье;
И срам, и несчастье должна
Влачить за собой ты в изгнанье.

Священная клятва в пыли,
Коварству нет больше предела,
Стыдливость, и та улетела
На небо из славной земли.

От бури спасти не могли
Отцовские стрелы Медеи,
И руки царя увлекли
Объятий ее горячее.

Скорбящая Деметра

Мать блаженных, гор царица,
Быстрым летом уносима,
Не ущелий густолесых
Не забыла, ни потоков,
Ни морей о грозном шуме:
Деву-дочь она искала,
Что назвать уста не смеют,
И звучали при движенье
Погремушки Диониса
И пронзительно, и ярко.
А у гордой колесницы
Близ ее запряжки львиной

За царевною в погоню,
Что из светлых хороводов
От подруг похитил дерзкий,
Две богини мчались рядом:
Лук горел на Артемиде;
У Паллады меднобронной —
Острие копья и очи;
Но отец богов, взирая
С высоты небес, иные
Создавал в уме решенья.

И скитаньем быстролетным,
Не напав на след коварный
Похитителя ребенка,
Утомленная богиня,
Наконец, остановилась.
Под Деметрою белела
Иды высь снеговенчанной...
Там среди обледенелых
Скал дает богиня волю
Жгучим приступам печали:
С той поры бесплодных пашен
Труд зелеными не делал.
Поколенья погибали.
Не дала богиня даже
Для утехи стад вздыматься
В луговинах травам сочным...
В городах явился голод,
И богам не стало жертвы.

Не пылал огонь алтарный.
Воды светлые умолкли.
Так упорно, безутешно
Мать Деметра тосковала.

Примирение Зевса с Деметрой

Когда ж не стало больше пира
Ни у богов, ни у людей,
Проговорил владыка мира,
Смягчая злобу сердца ей:
«О прелесть мира, о Хариты,
Летите в выси снеговой
К богине, горестью не сытой...
Вы мир верните ей забытый,
О Музы, в пляске круговой»...
Тогда впервые Афродитой
Тимпан гудящий поднят был;
В утеху ей, тоской убитой,
Он проявил свой страстный пыл...
И улыбнулась Мать святая...
Коснулась звучных флейт рукой —
И милы ей они, взывая
К восторгу шумною игрой.

Красавица Елена

Огнем лукавым опалила
В чертоге брачном ты того,
Чья страсть два войска погубила,

Но ты дразнила божество.
Высокомерно не ходила
Ты к Матери на торжество...
О, что за мощь в небриде пестрой.
Небрежно спущенной с плеча,
В тебе, о тирс зелено-острый
Меж кудрей Вакхова плюща,
И в вас, крутящиеся диски,
И в вас, развитые власы,
Вакханки, нимфы, сатириски,
И лунный свет, и блеск росы...
Но для тебя все боги низки,
Поклонница своей красы...

Ожидание

Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске — белые ноги,
Шею — росе студеной.
Лань молодая усладе
Луга зеленого рада.
Вот из облавы вырвалась,
Сеть миновала крепкую,
Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет.
Ветер — у ней в ногах,
В поле — раздолье.

Берегом мчаться отрадно ей...
И любо лани в чащу леса
Подальше скрыться от людей.

Вакханки и Дионис

О, как мне любо в полянах,
Когда я в неистовом беге,
От легкой дружины отставши,
В истоме на землю паду,
Священной небридой одета.
Стремясь ко фригийским горам,
Я хищника жаждала снеди:
За свежей козлиною кровью
Гонялись по склону холма...
Но чу! Прозвучало: «О Вакх, эвоэ!»
Млеком струится земля, и вином, и нектаром
пчелиным,
Смол благовонных дымом курится.
Прянет тогда Дионис...
И вот уже носится вихрем:
Он нежные кудри
По ветру распустит.
Вот факел горящий в горах замелькал
На тирсе священном.
И с вакхической песнью слились
Призывные клики:
«Ко мне, мои вакханки,

Ко мне, мои вакханки,
Краса горы Пактола!
Злаченые тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,
На свой фригийский лад!
Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!»
И призыв еще не смолкнул,
А вакханка в быстром беге
Рядом с Вакхом уж несется:
Точно в стаде жеребенок
Подле матки скачет резвый.

Леда и Елена

«Ах, кто с душистых кос несчастной
Сорвет стыдливую фату?
Кто от погибших стен родимых
В свой край невольницей умчит?
Ты, лебединое отродье,
Сгубила нас... коль достоверна
Молва чудесная, что Зевс
В обманном оперенье к Леде
Спустился — коль не слух напрасный
Рассеяли среди народов
Скрижали пиерийских дев».

К ладье

О ладья, о дочь Сидона!
Быстровеслая, ты пену
На морских рождаешь волнах
И голубишь... а дельфины
Вкруг тебя резвятся хором,
В тихий час, когда морская
Зыбь едва рябится ветром
И взывает Галанея,
Понта дочь: «Пловцы, живее!
Парус весь вы отдавайте
Ветра ровному дыханью.
В руки крепкие берите
По сосновому весельцу:
Порт вас ждет гостеприимный.
Ждет Елену дом Персея».

Отзывчивость

Воды лазурные
Взоры ласкали мне,
Я ж, лежа на нежной траве,
Яркие ризы сушила,
В блеске лучей золотых
Солнца развесив их
По тростинкам младым.
Жалобный боли крик

Негу прервал мою:
Стоны — не лиры звук:
Нимфа-наяда так
Стонет в горах, когда Пана насилье
К браку неволит ее...
Стонут за ней и утесы,
Стонут ущелья.

К соловью

Тебя, соловей, из свежей зеленой рощи,
Где песни в кустах
Росистых так нежны, —
Тебя я зову, певец из певцов...
Бурые перья твое горло одели
С его сладкозвучным рыданьем...
Песне печальной моей помоги, соловей,
своей трелью...
Песне о бедной Елене,
О роке троянок, гонимых
Грозным ахейцем,
Роке, нависшем с тех пор, как приехал
ужасный жених
На своей заморской ладье,
И как он на гибель Приама
С ложа Елену сманил, спартанского ложа,
Волей Киприды.

Желание

О, если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси,
О, если б, велением бога,
Меж птицами вольною птицей
Вилась я! Туда бы стрелой,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к брегам Эридана,
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны,
Несчастные девы, не слезы
В печали по брате погибшем,
Янтарное точат сиянье!

Туда, где в садах налилися —
Мечты или песни поэтов,
Плоды Гесперид золотые,
Туда, где на грани волшебной
Плывущей предел положили
Триере — морей промыслитель,
И мученик неабодержавный,
Туда, где у ложа Кронида
Своею нетленной струею
Один на всю землю источник,
Златясь и шумя, животворный
Для радости смертных пробился!..

К Диоскурам

О, если б на быстрых нам крыльях
Подняться в воздушные выси,
О девы, где стройной станицей
Ливийские птицы несутся!
Покинув дождливую зиму,
Летят они, кличу покорны
Той старшей сестры, чтó зовет их
В бездождные роскоши земли.
О спутницы туч быстробежных,
Небесные птицы! Летите,
Где путь указуют Плеяды
И блеск Ориона ночного!
На бреге Еврота веселом
Вы весть подадите селянам,
Что царь, победитель Приама,
В старинный свой дом возвратится.

На быстрых конях поднебесных
Умчитесь туда ж, Диоскуры,
Под звезд огнеметом лучистым,
Блаженные гости эфира!
Дохните на грозное море...
Валы его, темною пеной
Венчанные, нежно смирите,
Пловцам, наполняя их парус
Ласкающим ветром попутным:
На помощь, на помощь Елене!

Сестры прекратите бесславье:
Пусть смолкнут позорные речи
О варварском ложе царицы:
Безвольная жертва раздора
Идейского, стен не видала
Она Аполлонова града!

Старость

Хорошо человеку, как молод!
Тяжела ему старость.
Словно Этны тяжелые скалы
Долу голову старую клонят,
И не видит он божьего света.
Дай нам на выбор:
Трон Ассирийский,
Золота горы,
Старость с костей, —
Молодость спросим:
В золоте молод,
В рубище молод,
Да не завистлив.
Завейте вы, буйные вихри,
Несите вы горькую старость,
Далеко, на синее море!
Пусть будет зарок ей положен
В жилище входить к человеку,
Пусть вечно, земли не касаясь.
Пушинкой кружится в эфире.

Песня рабыни

О, зачем нельзя рабыне
Вознестись к стезе лазурной,
    Где огнистый солнца бог
Рассекает выси неба, —
Чтоб над храминой родимой
Крыл замедлить быстрый лет?
Снова стану в хороводе,
Как и прежде, девой юной,
Пред очами я кружилась
    Милой матери моей;
Как охотно в вихре пляски
В красоте мы состязались
В блеске праздничных нарядов.
Как красиво осеняли
Кудри русые ланиту
    Под расшитою фатой.

К музам

Нет, не покину, музы, алтарь ваш;
Вы же, хариты, старца любите.
Истинной жизни нет без искусства...
Зеленью плюща белые кудри
Я увенчаю. Лебедь весь белый!
Но не мешайте петь ему, люди.
Пусть он былому песню слагает.
Пусть он победы славит Геракла.

Когда ж польется в чаши
Дар Вакха благодатный,
Иль понесутся звуки
Цевницы семиструнной,
Иль заиграет флейта, —
Оставив хороводы,
Побудь со мною, муза!

Игра судьбы

Бог, или случай, иль демон,
Но как глубоко ни спускайся.
Силясь постичь смертных природу, ты —
Видишь ты только, что боги
Туда и сюда нами мечут.
Тут утонул ты, а вынырнул там,
И судьба над расчетом глумится.

Война — безумье

Смертные, это безумье,
Что острой лишь медью копейной
Доблесть добыть сердцем горите вы...
Или предела страданьям
Не будет для смертного рода?
Если кровавым лишь боем решать
Споры будем, они не умолкнут
Меж людьми никогда...

Гибель тирана

Завивайтесь кольцом, хороводы,
Пируйте, священные Фивы!
С солнца счастья сбежали тени,
И вернулись светлые песни.
Больше нет над нами тирана.
Адский мрак нам вернул героя:
То, что было безумною сказкой,
Непреложной истиной стало.

Беспредельна власть Олимпийцев
Над добрым и злым человеком.
Часто смертного манит злато,
К высям славы мечты уносят.
Но лишь палицу время подымет,
Задрожит забывший про бога;
И летит с высоты колесница,
Вся обрызгана грешною кровью.

Сад гесперид

На западной грани земельной есть сад, где поют геспериды.
Там в зелени древа, склонившего тяжкие ветви,
Плоды золотые
Сверкают и прячутся в листьях;
И, ствол обвивая, багровый

То древо бессменно дракон сторожил;
Убит он теперь Гераклесом,
И с древа сняты плоды.

Гимн Гераклу

По струнам цевницы златой
Смычком Аполлон ударяет,
И светлые песни сменяет
Тоскливый напев гробовой.
Я ж гимн погребальный Гераклу,
Сошедшему в область Аида,
Из крови ли мужа он вышел,
Иль Зевсова кровь в его жилах,
Невольно слагаю из песен,
Торжественно ярких и светлых...
Пусть адскою тьмою покрыт он,
Но доблесть над мертвым героем
Сияет венцом лучезарным.

Медея-детоубийца

О дети! Уж ночь вас одела
Кровавой стопою отмщенья;
Ужасное близится дело:
Повязка в руках заблестела —
Минута — Аидом обвит,
И узел волос заблестит...

Но ризы божественным чарам
И розам венца золотого
Невесту лелеять недаром:
Ей ложе Аида готово,
И муки снедающим жаром
Охватит несчастную сеть,
Гореть она будет, гореть...

Вероломство мужей

Реки священные вспять потекли,
Правда осталась, но та ли?
Гордые выси коснулись земли,
Имя богов попирая в пыли,
Муки коварными стали...
Верно, и наша худая молва
Тоже хвалой обратится,
И полетят золотые слова
Женам в усладу, что птица.
Музы не будут мелодий венчать
Скорбью о женском коварстве...
Только бы с губ моих эту печаль,
Только б и женской певнице звучать
В розовом Фебовом царстве...
О для чего осудил Мусагет
Песню нас слушать все ту же?
В свитке скопилось за тысячи лет
Мало ли правды о муже?

Счастье бездетности

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспрять, чем женам
Обычай людей дозволяет...
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не все ее видят улыбку, —
Меж тысяч одну найдешь ты, —
Но ум для науки женской
Нельзя же назвать закрытым.
Я думала долго, и тот,
По-моему, смертный, счастлив,
Который, до жен не касаясь,
Детей не рождал; такие
Не знают люди, затем что
Им жизнь не сказала, сладки ль
Дети отцам, иль только
С ними одно мученье...
Незнанье ж от них удаляет
Много страданий; а те,
Которым сладкое это
Украсило дом растенье,
Заботой крушатся всечасно,
Как выходить нежных, откуда
Взять для них средства к жизни,
Да и кого они ростят,
Достойных людей иль негодных,

Разве отцы знают?
Но из несчастий горше
Нет одного и ужасней.
Пусть денег отец накопит,
Пусть дети цветут красою,
И доблесть сердца им сковала,
Но если налетом демон
Из дома их вырвет смерти
И бросит в юдоль Аида,
Чем выкупить можно эту
Тяжелую рану, и есть ли
Больнее печаль этой платы
За сладкое право рожденья?..

Доблесть

Души в миру, что в лугах цветы,
В пестрый сплелися ковер; но свет
Правды солнцем сияет.
Счастлив учением вскормленный ум:
Легче ему добродетели путь.
Совесть врожденная — мудрости верх;
Но и тому присужден венец,
Кто в наставленья лучах обнаружил
свой долг,
Путь нестареющей славы нашел.
Доля завидная — жизнь в добре,
Женам под сенью тихих хором

В верности брака дается она, —
Мужу открыты иные пути,
Тысячью доблестных подвигов он
Может отчизну украсить свою.

Бессилие Лиры

Люди, как же безумными вас не назвать?
Сколько сладких напевов умели найти
    Вы для праздных пиров и веселий,
А великие страсти и муки людей
Укрощать не имеет доныне никто
    Многострунною лирой и песней:
Оттого и в домах ваших смерть и вражда.
Если б душу живую могли исцелять
    Вы гармонией нежных созвучий!
На пирах же веселых и песнь не нужна.
Ибо там и вином, и обилием яств,
Без того уже смертный утешен.

СКОЛИИ

КАЛЛИСТРАТ

Сколия в память Гармодия и Аристогитона

Хочу свой меч обвить зеленым миртом,
Как в оны дни ты, Аристогитон,
С Гармодием, когда, сгубив тирана,
Афинам вновь свободу дали вы.

Нет, дорогой Гармодий, ты не умер! —
Тебя на тех Блаженных Островах
Находит песнь, где Ахиллей быстрейший
И Диомед, Тидея сын, живут.

Хочу свой меч носить в зеленом мирте,
Как в оны дни ты, Аристогитон,
С Гармодием, когда убит был вами
Тиран Гиппарх, в святой Паллады день.

Ввек на земле не перестанет слава
Цвести для вас, дражайшая чета,
За то, что вы тирана умертвили,
Вновь создали свободу для Афин.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УПАДОК

АНАКРЕОНТИКА

Любовь

Безотрадно — не любить,
Безотрадно — полюбить,
Безотраднее — любовью
Отвергаемыми быть.
Все Эрот ногами топчет —
Знатность, мудрость и добро,
И глядят с почтеньем люди
На одно лишь серебро.
Проклят будет тот, кто первый
Серебро боготворил:
За него — не стало братьев;
За него — родной не мил;
За него — убийство, войны,
И — ужаснее всего —
Мы, влюбленные, повсюду
Погибаем за него.

К женщинам

Быкам дала природа
Рога, коням — копыта,
В ногах проворство — зайцам,
Львам — пасть зубов огромных,
Способность плавать рыбам.
Летать возможность птицам,
В мужей вложила мудрость.
Что женщинам досталось?
Их красотой ссудила
Природа вместо копий.
Краса их побеждает
И пламя и железо.

* * *

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

Сон

На коврах пурпурных ночью
Спал я, Вакхом упоенный.
Снилось мне, что к юным девам
Я стопою окрыленной
Подбегаю порезвиться,
А толпа красавцев стройных,
Нежных отроков — милее
Вечно-юного Лиэя —
Мне, за дев, стрелой насмешки
Сердце страстное пронзает.
За насмешку я с угрозой
Поцелуя к ним стремлюся;
Но внезапно, вместе с грезой,
Образ их из глаз умчался:
Одинокий и печальный,
Я опять заснуть старался.

Беззаботность

Почто витиев правил
Вы учите меня?
Премудрость я оставил,
Не надобна она.
Вы лучше поучите,
Как сок мне Вакхов пить,
С прекрасной помогите
Венерой пошутить.

Уж нет мне больше силы
С ней одному владеть;
Подай мне, мальчик милый,
Вина хоть поглядеть;
Авось еще немного
Мой разум усыплю;
Приходит время строго:
Покину, — что люблю.

Эрот-пленник

Эрота пиериды
Опутали венками
И Красоте предали.
Вот ищет Киферея,
Неся богатый выкуп,
Освободить Эрота.
Но, пусть вернут свободу,
Он не уйдет — пребудет:
Уж он привык к неволе.

Самому себе

Пускай богатства Креза
Бесчисленно-велики,
Мне золота не надо
Сардисского владыки:
Мне зависть недоступна —

Нет силы и охоты
Завидовать владыкам...
Мне только и заботы,
Как бороду опрыскать
Лотучими духами;
Как голову украсить
Пахучими цветами;
Как день провесть текущий
С веселыми друзьями —
А завтра?.. кто же знает,
Что завтра будет с нами?
Воспользуйся днем ясным:
Пей, в кости развлекайся,
Но возлияй Лиэю,
Не то — остерегайся:
Придет болезнь невольно
И скажет: «Пить—довольно».

Должно пить

Пьет земля сырая;
Землю пьют деревья;
Воздух пьют моря;
Из морей пьет солнце;
Пьет из солнца месяц:
Что ж со мною спорить,
Если пить хочу я,
Милые друзья?

Самому себе

Дайте мне вина, девицы!
Жар томит меня с денницы;
Поскорей припасть мне дайте
К Вакху жадными устами.
И главу мою венчайте
Вечно-юного цветами;
А иной венок мгновенно
На челе моем спалится,
Оттого, что неизменно
Жар любви во мне таится.

Самому себе

Когда вино я пью —
Мой дух объят весельем,
И музам благосклонным
Я тихий гимн пою.

Когда вино я пью —
Разносит буйный ветер
По морю и заботы
И всю печаль мою.

Когда вино я пью —
Меня Лиэй сам няньчит,
И льют цветы на воздух
Душистую струю.

Когда вино я пью —
Жизнь мирную я славлю
И на чело искусно
Венок цветочный вью.

Когда вино я пью —
Опрысканный духами,
В объятьях юной девы,
Киприду я пою.

Когда вино я пью —
Под песни молодежи,
На дно потиров пирных
Топлю я мысль мою.

Когда вино я пью —
Его законным благом
Считаю: ведь придется
Окончить жизнью свою.

Старичок

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет».
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел,

Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Пляшущий старик

Да, ты мил, красавец мой,
Но по мне — милее втрое
В старце чувство молодое
В пляске нежной и живой...
Погляди: ну, где в нем холод
Дряхлых лет? а по кудрям
Хоть и стар он — видишь сам —
Да зато душою молод.

Девушке

Зачем бежишь ты от меня,
Когда с тобой встречаюсь я,
И, на заре своей весны,
Боишься мудрой седины?..
Или, зачем не любишь ты
Огня и жизни в старике?..
Вглядись, как много красоты
В благоухающем венке,
Где возле ярких роз видна
Лилей сребристых белизна.

Вёсна

Посмотри — весна вернулась —
Сыплют розами хариты;
Посмотри — на тихом море
Волны дрёмою повиты;
Посмотри — ныряют утки,
Журавлей летит станица:
Посмотри — Титана-солнца
В полном блеске колесница.
Тучи тихо уплывают,
Унося ненастья пору;
На полях труды людские
Говорят приветно взору;
Гея нежные посевы
На груди своей лелеет;
Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленеет;
Лозы пламенного Вакха
Кроет ли́ства молодая,
И плодов румяных завязь
Расцвела, благоухая.

Кузнечику

О счастливец, о кузнечик
На деревьях на высоких
Каплею воды напьешься
И, как царь, ты распеваешь.
Все твое, на что ни взглянешь

Что в полях цветет широких,
Что в лесах растет зеленых.
Друг смиренный земледельцев,
Ты ничем их не обидишь;
Ты приятен человеку,
Лета сладостный предвестник;
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону:
Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен!

Вакхово веселье

Стройностанные девицы
Идут с юношами рядом,
На плечах неся кошницы
С темноцветным виноградом,
И на гнеты чередою
Сыплют гроздий дождь пахучий;
Мужи сильною рукою
Извлекают сок кипучий
Из темницы виноградной,
Прославляя в громких хорах
Вакха песнею обрядной
И любуясь, как в амфорах

Бродит новый дар Лиэя.
В опьяненье не умея
Сладить с дряхлыми ногами,
Пляшет старец, потрясая
Убеленными кудрями.
А красавица младая
Под тенистыми ветвями
Спит, покоя в дреме сладкой
Нежно-девственное тело.
Пылкий юноша украдкой
Над красавицею смело
Сети страсти расставляет —
И Эрот ее склоняет
Позабыть про Гименея...
Но словами не умея
Убедить, малютка резвый
Ей насилием грозится...
Так-то с юностью нетрезвой
Вакх бесчинно веселится.

Мои желания

Дочь Танталова стояла
Где-то камнем на брегах;
Дочь Пандиона летала
Птицей-ласточкой в полях.
Мне ж бы в зеркало хотелось
Обратиться хоть во сне,
Чтобы милая смотрелась,

Отражалася во мне.
Я хитоном быть хотел бы:
Я, прекрасная, одел бы
Плечи белые твои;
Обратился бы водою,
Чтобы, черпая рукою
Серебристые струи,
Омывала дева мною
Перси нежные свои.
Я хотел бы обращенным
В дорогие масти быть,
Чтобы духом благовонным
Кудри милой напоить,
Легким поясом прекрасной
Я желал бы побывать:
Я бы стал с любовью страстной
Тонкий стан ей обвивать.
Даже обувью твоею
Побывать желал бы я,
Чтобы ножкою своею
Попирала ты меня.

К гетере

Славный Ро́доса художник!
Стиль возьми, уставь треножник,
Растопи свой воск цветной,
Обсуди чертеж и меру —
И красавицу-гетеру,

Разлученную со мной,
Напиши, Эрота ради,
Как я буду говорить.
Прежде должен начертить
Ты волос густые пряди:
Дай им мягкость, черный лоск,
Дай им, если властен воск,
Запах мирры благовонной.
Над ланитой округленной
Подними чело у ней,
Чтоб оно из-под кудрей,
Как слоновья кость, белело.
Проведи ей брови смело:
Берегись склонить их ниц —
Кончи тонко, горделиво.
Изучи изгиб стыдливо
Кверху вскинутых ресниц.
Напиши огнем ей взгляды —
Пусть блестит в глазах у ней,
Сквозь лазурь очей Паллады,
Влага страстная очей
Вечно-юной Афродиты.
Пусть, в румянце молодом,
Свежесть розы с молоком
На прозрачные ланиты
Будет нежно пролита́.
Пусть манят ее уста
Убеждением призывным
К поцелуям непрерывным.

Округли потом у ней
Перси мрамора белей,
Стилем смелым и окреплым.
Пусть и воск к себе манит
Резвый рой младых харит;
Так накинь пурпурный пéплум,
Чтобы тела белизна
Кое-где была видна
Сквозь раздвинутые складки,
Вызывая на догадки
И о тайнах красоты...
Стой... довольно... кончи в меру:
Вижу я мою гетеру!
Скоро, воск, промолвишь ты.

Ночной гость

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.
Кто так стучится смело? —
Со гневом я вскричал.
«Согрей, обмерзло тело» —
Сквозь дверь он отвечал: —

«Чего ты устрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечу засветил,
Не медливши ни мало
К себе его пустил.
Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук,
«В дожде чать повредился»,
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся,

И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал:
«Мой лук еще годится
И цел, и с тетивой:
Ты будешь век крушиться
Отныпь, хозяин мой».

Самому себе

Возлежа на листве нежной
Мирт и лотосов зеленых,
Я желаю пить прилежно,
Пить подольше, но с опаской:
Сам Эрот мне кравчим служит
И, папирусной подвязкой
Подтянув хитон на плечи,
Влагой хмельной угощает.
Колесом от колесницы
Вкруг самой себя вращаясь,
Жизнь людская убегает,
А в могиле смертный кости
Горстью пепла оставляет...
Для чего ж кадить на камень?
Лить на землю возлиянья?
Лучше мне, Эрот, при жизни
Воскури благоуханья —
Увенчай меня цветами,

Приведи мою гетору;
Прежде, нежели вмешаюсь
В хороводы с мертвецами,
Я хочу прогнать заботы.

Любовницам

Все листья на деревьях
Ты верным счетом знаешь
И на море широком
Все волны сосчитаешь —
Сочти ж моих любовниц.
В Афинах, для начатка,
Ты запиши мне двадцать
И полтора десятка.
Потом считай в Коринфе
По целым легионам:
Уступит вся Эллада
В красе коринфским женам.
Теперь сочти в Лесбосе,
В Ионии, в Родосе
И в Карии... пожалуй —
Две тысячи... немного...
Что скажешь? Отмечай же
Далеко до итога.
Ни сирским, ни канопским
Не свел еще я счета...
Да в Крите всеобильном,
По городам Эрота,

Где таинства уставил
Любви законодавец,
Сочти, вдобавок к прежним,
Души моей красавиц,
Но как их сосчитаешь —
Спрошу тебя заране —
За Кадиксом, за Индом
И в дальней Бактриане?

ЭПИГРАММЫ

МЕЛЕАГР ГАДАРСКИЙ

К Зенофиле

* * *

Спишь, Зенофила, мой нежный цветок?.. Ах!
Если б я ныне,
В сладостный сон превратясь, в очи прокрался твои
Так, чтоб и тот, кто Зевеса могущие вежды смыкает,
Мне уступил... я б один вечно тобою владел.

* * *

Быстрый мой вестник, комар, полети! на ушко
Зенофиле,
Нежно коснувшись ее, эти слова ты
шепни:
«Он тебя ждет и не может уснуть; а ты, друга
забывши,
Спишь!» — Ну лети же скорей! Ну,
песнопевец, лети!
Но берегись, потихоньку скажи, не то — мужа
разбудишь;
С мужем воспрянут тотчас ревности муки
с одра.
Если ж ее приведешь, то в награду тебя
я одену
Львиною кожей и дам в руки тебе булаву

* * *

Весело блещет мой кубок, как будто гордясь,
Зенофила.
Что прикоснулся к твоим сладкоречивым
устам . . .
Жребий завидный; ах; если б, обняв меня
нежной рукою,
Страстным лобзаньем ты всю душу испила мою!

* *
*

Паном аркадским клянусь, ты сладко поешь,
Зенофила,
Сладко поешь и смычком движешь по
звучным струнам.
Где я? Куда я бегу? — Меня окружили Эроты;
Сонм легкокрылый, теснясь, мне не дает и
дышать.
В сердце вливает любовь то Пафии прелесть,
то музы
Нежный голос... Увы! Страстью сугубой
горю.

* *
*

Уж распустились фиалки, цветет уже жаждущий
влаги
Нарцис, вдоль по горам лилии стройны
цветут;
О Зенофила! взгляни: уже Граций любимица
роза,
Милый Эроту цветок, прелесть весны,
расцвела!..
Что вы напрасно, долины, красуетесь пестрым
убором?
Всех ваших пышных цветов краше девица
моя.

На смерть Клеаристы

Горе! не сладостный брак, но Аид, Клеариста, суровый —
Девственный пояс тебе хладной рукой развязал.
Поздней порой, у невесты, пред дверью растворчатой флейты
Сладко звучали; от них брачный покой весь гремел;
Утром — весь дом огласился рыданием, и Гименея
Песни веселыя клик в стон обратился глухой;
Факелы те ж и невесте у храмины брачной светили
И усопшей на путь в мрачное царство теней.

* * *

Чашу налей и примолви: «За здравие Гелиодоры!»
Молви и с чистым вином сладкое имя смешай,
И вчерашний венок, еще влажный от кудрей душистых
Милой, ты, в память ее, мне возложи на главу...
Видишь ли? слезы роняет и роза, влюбленных подруга,
Плачет, что нет ее здесь в страстных объятьях моих.

На смерть Гелиодоры

Горькие слезы в Аид безотрадный сквозь хладную землю,
Милая, шлю тебе в дар, прежней останки любви;
Горькие слезы лиются на прах твой, как жертва святая,
В память желаний живых, в память нежнейшей любви.
Нет! и по смерти тебя Мелеагр не забудет, и вечно
Тяжкий, напрасный мой стон будет Аид оглашать.
Горе мне, горе! где милый цветок мой!.. Все смерть погубила.
Свежую розу мою пепел могильный покрыл.
О! умоляю тебя, земля, человеков всех матерь,
Тихо на лоно твое бедную деву прими.

Вариация на ту же тему

В обители ничтожества унылой,
О незабвенная, прими потоки слез
И вопль отчаянья над хладною могилой.
И горсть, как ты, минутных роз!
Ах, тщетно все! Из вечной сени

Ничем не призовем твоей прискорбной тени:
Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онемение, все хладно, все молчит;
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите: что краса так рано погибает?
Но ты, о мать-земля, с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и успокой в гостеприимной сени.

* * *

Вечно в ушах раздаются Эрота приятные звуки,
Око желаниям в дар сладкие слезы несет;
Нет мне покоя ни ночью, ни днем, и от чаров любовных,
Врезан глубоко, в душе образ знакомый горит.
О легкокрилы Эроты! как хищники, вы налетели —
Ах! отлетите на миг, дайте душо отдохнуть.

АСКЛЕПИАД САМОССКИЙ

* * *

Здесь, венки мои, здесь над двойчатою дверью висите;
Так оставайтесь; не вдруг листья роняйте свои.
Вас окропил я слезами — слезливы влюбленные очи,
Но лишь дверь заскрипит, только лишь выйдет она,
Крупным дождем на главу ее слез моих капли пролейте·
Пускай слезы мои русые локоны пьют.

Вариация на ту же тему

Свидетели любви и горести моей,
О розы юные, слезами омоченны,

Красуйтеся в венках над хижиной смиренной,
Где милая таится от очей!
Помедлите, венки, еще не увядайте!
Но если явится, пролейте на нее
Все благовоние свое.
И локоны ее слезами напитайте.
Пусть остановится в раздумье и вздохнет...
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте.

* * *

Трижды, светильник, тобой поклялась Гераклея — порою
Ночи притти, — не пришла. Если, светильник, ты бог, —
О, покарай за измену: когда она с милым резвиться
Будет, — угасни, не дай света утехам любви.

ГЕДИЛ

* * *

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет некогда Скирпал родил,
И, вдохновленный, нарек он младенца Феоном. За чашей
Сладость Вакха и муз славил приятный Феон;
Славил и Ватала он, молодого красавца. Прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

* * *

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О, радость! здесь они ей пояс разрешили,

Стыдливости девический оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты,
Покровы легкие из дымки белоснежной
И обувь стройная, и свежие цветы;
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора.

РУФИН

* * *

В дар посылаю тебе, Родоклея, венок: из прекрасных
Вешних цветов для тебя, милая, сам его сплел.
Есть тут лилеи и розы душистые, есть анемоны,
Нежный, пушистый нарцис, бледны фиалки цветы.
Ими чело увенчав, перестань, о краса, быть надменной:
Как сей венок, ты цветешь, — так же увянешь, как он.

АЛКЕЙ МЕССЕНСКИЙ

Гроб Исиода

Тело певца Исиода, сраженного в рощах Локридских,
Предали нимфы земле, в чистых омывши струях;
Сами воздвигнули гроб, и пастыри коз ему в жертву
Сладкое лили млеко, смешанно с медом златым.
Сладко лилися песни из уст почившего старца:
Вашим Кастальским ключом, Музы, он был воспоен!

ФЕОДОРИД

* * *

В бурных волнах я погиб: но ты плыви
без боязни!
Море, меня поглотив, в пристань других
принесло.

ПАЛЛАД

Суета жизни

Наг я на землю пришел, и наг я сокроюся в землю:
Бедная участь сия стоит ли многих трудов.

АНТИПАТР ФЕССАЛИЙСКИЙ

Нереиды иа развалинах Коринфа

Где красота твоя, город Дорийский, Коринѳ
лучезарный?
Где твоих башен венцы? древни сокровища
где?
Где велелепные храмы богов, где чертоги, где
жены,
Отрасль Сезиѳа, и тьмы граждан на стогнах
твоих?
Даже следа от тебя не осталося, город
несчастный!
Лютая, все обхватив, жадно пожрала война.
Мы лишь одни, Океана бессмертные дщери,
остались,
Чтобы над прахом твоим, как алкионы,
стенать.

Вариация на ту же тему

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющие в них?

Увы, погиб навек, Коринф столповенчанный,
И самый пепел твой развеян по полям!
Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,
И стонет алькион один в дали туманной.

Явор к прохожему

Смотрите, виноград кругом меня как вьется,
Как любит мой полуистлевший пень.
Я некогда ему давал отрадну тень;
Завял... Но виноград со мной не расстается.
Зевеса умоли
Прохожий, если ты для дружества способен,
Чтоб друг твой моему был некогда подобен
И пепел твой любил, оставшись на земли!

АПОЛЛОНИД

* * *

Критским стрелком уязвленный орел не остался без мести:
Жизни лишаясь, ему жалом за жало воздал.
С горного неба ниспал он стремглав и настигши убийцу
Сердце той сталью пронзил, коей был сам поражен.
Будете ль, критяне, вы бросанием стрел неизбежных
Ныне гордиться? Хвала Диевой жесткой руке.

АНТИФИЛ ВИЗАНТИЙСКИЙ

* * *

К милым отчизны брегам приближаяся, «завтра,—
сказал я, —
Долгий и бурный мой путь кончится;
пристань близка».
Но не сомкнулись уста еще, — море, как ад
потемнело,
И сокрушило меня слово пустое сие.
«Завтра» с надеждою смелой вещать не дерзай:
Немезида
Всюду настигнет тебя, дерзкий карая язык.

На смерть кузнечика

Звонкий кузнечик, тебе у богатого дома Алхида
Боле не петь, не видать светлого солнца тебе.
Ты далеко улетел, по лугам ты порхаешь Плутона:
Там с Прозерпины цветов сладкую росу
ты пьешь.

МАРИАН-СХОЛАСТИК

Горючий ключ

Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал
утомленный
В сладком сне, к ключевым нимфам свой
факел склонив.
Нимфы шепнули друг дружке: «Что медлим? погасим светильник!
С ним погаснет огонь, сердце палящий людей!»
Но светильник и воды зажег: с той поры
и поныне
Нимфы, любовью горя, воды кипящие льют.

АГАТИЙ

* * *

Смерти ль страшиться, о други! Она спокойствия матерь
В горе — отрада, бедам, тяжким болезням — конец.
Раз к человекам приходит, не боле, и день разрушенья
Нам обречен лишь один, дважды не гибнул никто.
Скорби ж с недугами жизнь на земле отравляют всечасно,
Тут минует — за ней новая буря грозит.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИИ

* * *

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенья.
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любови наслажденье!

* * *

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцелуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал.

Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела,
И слезы градом из очей.
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что сделалось, скажи, что сделалось
с тобою?»
«Спокойся, ничего, бессмертными клянусь!
Я мыслею была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь!»

К престарелой красавице

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красой,
Незрелой в таинствах любовного искусства:
Без жизни взор ее стыдливый и немой,
И робкий поцелуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень:
И в осень дней твоих не погасает пламень.
Текущий с жизнию в крови.

* * *

Увы, глаза потухшие в слезах.
Ланиты впалые от долгого страданья

Родят в тебе не чувство состраданья —
Жестокую улыбку на устах...
Вот горькие плоды любови страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные наград,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы, как молния внезапная небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
Коварные, навеки покидают.
Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего — и юности, и счастия дороже,
Склонись, жестокая... И я воскресну вновь,
Как был или еще бодрее и моложе!

* * *

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале видна,
Сокровища мои... она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым
открыла,
Любовь мне скажет путь к красавице моей:
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

* * *

Изнемогает жизнь в груди моей остылой.
Конец борению, увы, всему конец!
Киприда и Эрот, мучители сердец,
Услышьте голос мой последний и унылой!
Я вяну, и еще мучения терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

ПРИМЕЧАНИЯ

МЕЛИКА

Мелика — поэзия для уха, а не для глаза. Мелос не только стихотворение, но и песня и музыкальная партитура. Под аккомпанимент семиструнника — безразлично, назывался ли он кифарой, лирой, барбитоном, пектидой, — пелась сольная песнь: монодия. Под аккомпанимент авла-кларнета пелась песнь хоровая: она — «триединая хорея» — сочетание слова, музыки, пляски и даже пантомимы. Управлял ею ходидактил, т. е. водитель хоровода, хормейстер. Классический хоровой мелос в своем каноническом построении расчленялся на строфу, антистрофу и эпод: нововведение поэта Стесихора (VI в.). Античная баллада Вакхилида «Юные жертвы и Фесей» — изысканный образец такого канона. Хоровая мелика отвечает всем моментам праздничного ритуала — и культового и светского. Явно — она всегда действо, а не литература. Скрыто —

она всегда сочетание вольного воображения автора с формально до тонкости регламентированным искусством. Ее части заданы: 1) прославление бога, героя, события — и повод к нему; 2) миф — хотя и в вольной вариации; 3) поучение мудрости — хотя и на свой лад. Ритмомелодика каждой пары — строфы и антистрофы — тождественна. У эпода свой размер. Но и то и другое изобретается для каждой песни заново. Есть традиционные размеры, — но опять-таки как тема для вариаций. При *гимне* хор порой неподвижен. Но *просодий* — уже песнь процессиональная. Есть девичьи песни — *партении* (такой партений дошел от Алкмана). Есть отрочьи песни (ими прославлен Ивик). Для славления Аполлона возник *пеан*, для славления Диониса — *дифирамб*. В дни свадеб звучат *гименеи* и *эпиталамы* — хотя бы Сафо. В дни похорон *трены*, т. е. плачи для прославления усопшего.

Агонистика (состязания) вызвала к жизни *эпиникии* — восхваление героя-победителя на состязаниях: они — частный случай *энкомия*, т. е. славословия. Уже три последних вида — песни светские: в них прославляется человек, а не бог.

Партитура мелосов для нас погибла. Уцелели кое-какие теоретические трактаты и несколько осколков мелодий. Чтением мелика стала в эпоху вселенскую, когда александрийские ученые, так называемые перипатетики, грамматики, т. е. филологи и компиляторы-энциклопедисты отдались с рвением собиранию уцелевших литературных памятников эпохи расцвета Эллады. Уже тогда от эллинской мелики далеко не все уцелело. Позже поэты Рима, подражатели и претворители эллинской поэзии, выдвинули сольную мелику как *литературу*, как чтение, а не как пение, — хотя и последнее не исключалось. И мы стихи не поем, а читаем.

Русские поэты перелагают мелику в стихотворчество, мало отличное от их собственной поэтической формы. Даже при соблюдении эллинской просодии их поэтика одевает метрический костяк оригинала в привычные одежды. Да и переводили они иногда не с греческого языка, а с языков новых: получался перевод с перевода. Рядом с оригиналом, за редким исключением, этот перевод неловко даже поставить. Собственно говоря, перевести мелос невозможно: можно только дать вариант. Трудностей при переводе не оберешься: фрагментарность сохранившихся памятников, испорченность текста, подчас неопределенность просодии и рецитации. отсутствие конкретной биографии автора, скудость сведений об эпохе, диалектические особенности и непередаваемое благозвучие языка, утрата музыкального аккомпанимента и, наконец, различие систем стихосложения эллинского и русского.

Былые установки на структуру мелического стиха рушатся. Опираясь на «временной атом», как на величину постоянную (⏑ = 1/8), утверждали сложением двух временных атомов *постоянную* каноническую долгую (—) для мелического стиха, словно для гекзаметра. Итог такой установки: неразрешимые, необъяснимые метрические схемы, например, загадочные логаэды.

Указания древних теоретиков на наличие *переменных* кратких игнорировали. Между тем мелический стих строится, именно, на переменных долгих. Существуют многоатомные долгие слоги, как и многоатомные паузы. Есть даже пятизначная долгая (⏑⏑⏑⏑⏑); есть четырехзначная пауза (⋀). Поэтому двудольник (⏑⏑⏑˘) по длительности может равняться трехдольнику (⏑⏑ ˘˘); поэтому трехдольник (⏑⏑˘˘⋀) по длительности может равняться четырехдольнику (⏑⏑ ˘˘ ⏑⏑). Пользуясь перемен-

ными величинами, можно объяснить и иррациональные стопы смешанных метров. Такова теоретическая схема. Но живой мелический стих есть созвучие фонем на ритмической волне, а не абстрактная метрическая проволока, на которую нанизаны звуковые шарики. Из творческой практики поэта-певца возникла теория Вслушиваясь, вглядываясь в живую ткань эллинского мелоса, устанавливаешь непрерывный поток созвучий — от простейшего ассонанса до полной внутренней рифмы включительно, порой переклики-эхо и смены доминантов, т. е. вокалов или дифтонгов, господствующих в разных частях мелоса. Созвучиями-то и пробегают, перемежаясь с немотствованиями, переменные длительности, создавая ритмомелодическую волну. Опорные ударения на созвучиях и суть опорные точки мелодики — в стихах совершенных, пока ассонанс-повтор не выродился в чистый прием виртуозности и своим звуковым орнаментом не вытеснил подлинную эмоцию и — смысл. Эмоцией и заданием создается этос (êthos), т. е. характер мелоса, его интонация — тревожная, торжественная, сентиментальная — средствами определенного порядка ударений на тезисах тактов, усиливаемого разрешениями, стяжениями и каталектикой. Этос и стимулирует ритмомелодическую кривую. Богатство внутренних рифм эллинского мелоса устранили нужду в регулярной конечной рифме. Так получает свое объяснение поразительная легкость белого, вольного, необычайно гибкого стиха мелоса, одной метрической схемой необъяснимого никак. Только знание законов построения ритмомелодики мелоса даст возможность переводчику создать нечто адекватное оригиналу.

Полустрочие перевода Вячеслава Иванова из Алкея:

Хмель в них *лей*, не *жалей!* — есть, примерно, передача эллинского мелоса.

Алкей и Сафо. — Два фрагмента: «Алкей к Сафо» и ответ «Сафо — Алкею» — только гипотетический роман. Древняя вазовая живопись, так называемая Мюнхенская ваза закрепляет преклонение Алкея перед Сафо. Здесь Алкей стоит перед Сафо со склоненной головой, быть может, как поэт перед поэтом.

Моление k нереидам. — Так называемый Propemptikon — благословение - напутствие отъезжающим. Здесь эпилог загадочной романтической истории на рубеже VII—VI веков, где герой — Харакс, брат Сафо, а героиня — навкратийская гетера Дориха. Перипетии этого романа от нас скрыты но, опираясь на фрагменты Сафо (вышеуказанный и другой, так называемый «Папирус из Оксиринха» 10), на Геродота, географа Страбона, на автора «Трапезы знатоков» Афинея, на эпиграмму Посидиппа, героиду Овидия (письмо Сафо к Фаону) и, наконец, на лексикографов, как Свида (X век), автору этих строк удалось еще в 1916 году, если не развязать, то все же нащупать узлы этого путанного эпизода. С ним сплелся новеллистический мотив о баснословном «Родоповом богатстве», т. е. сокровищах гетеры Родопиды.

В Митиленах, столице Лесбоса, — революция. Землевладельческая аристократия разбита и изгнана. Власть в руках демоса, точнее, в руках торговцев. Мелькают имена быстро свергаемых тиранов. Наконец правление переходит на десять лет в крепкие руки миротворца Питтака. Среди эмигрантов: Алкей, панэллинская поэтесса Сафо и ее братья. По амнистии Питтака, изгнанники вернулись на родину. У Сафо в Митиленах «Дом Муз», куда с ближнего востока и с островной и материковой

Эллады съезжаются девушки, чтобы под руководством Сафо получить высшее, т. е. музическое, воспитание: они обучаются искусству сложения песен, игре на лире-пектиде или авле-кларнете, хороводным пляскам, грации и вкусу. Перед нами не то школа, не то содружество-тиас. Есть и другие школы и тиасы в Митиленах. Мы слышим о соперницах Сафо, о состязаниях хоров. И вдруг, вне всякой хронологии, слышим о скандальном для Сафо поведении ее брата Харакса.

Харакс — в Навкратиде, эллинской торговой колонии близ дельты Нила. Он увлечен гетерой Дорихой. С ней проматывает он свое богатство. Вести о похождениях Харакса доходят до Митилен. И Сафо упрекает в стихах брата за оскорбительное для ее репутации поведение, а кстати бичует и самую Дорнху.

Но иметь в качестве возлюбленной гетеру для морали эллина вполне приемлемо. Век спустя гетера — единственно образованная женщина Эллады; у нее салон, посещаемый филисофами и поэтами, — салон Теодоты. Позднее гетере воздвигается храм под именем храма Афродиты-Лаиды. Ее честолюбие дерзает соперничать со славою Александра. Она даже всходит на трон. VI век не был целомудреннее V и IV. Тем не менее Сафо страдает от злословия и злорадства сограждан. Не в разорении ли Харакса причина? Конечно: «богатство без доблести — сосед не безвредный». Это — строка Сафо. Но нищета хуже. В ту эпоху даже устами консервативной Спарты был провозглашен торгашеский лозунг: «Деньги, деньги — человек». Но вот Харакс снова в Митиленах. Он разбогател: только путем, от которого Сафо бросает в краску. Известно одно: Харакс снаряжает корабль, нагружает его лесбосским вином, плывет в Навкратиду, и снова — зло-

речье, злорадство сограждан. Далее все звенья выпадают. Пред нами эпилог: моление Сафо к нереидам; она ждет возвращения брата. Она примирилась. С чем? С его ли увлечением гетерой? или с профессией торговца, некогда презираемой аристократами? или... На это могут ответить только новые находки в гробницах Египта. Зато песни Сафо обессмертили имя Дорихи. До нас дошла эпиграмма Посидиппа (III век до н. э.) для мнимой гробницы гетеры:

Прах — твои кости, Дориха; повязка, чтó кудри скрепляла,
Благоуханный покров, миррой надушенный,— прах,
Было... когда-то к Хараксу, дружку, под покровом прильнувши
Телом вплотную нагим, с кубком встречала зарю.
Было... а Сафовы строки остались — останутся вечно:
В свиток занесенный ряд песней живою звучит.
Имя твое незабвенно. Хранить его будет Навкратис
Впредь, пока путь кораблю нильскому в море открыт.

(Перевод Я. Голосовкера.)

К Дике. — Стихотворение «К Дике» в переводе В. Вересаева и стихотворение «Гимн правде» в переводе Вяч. Иванова — переводы одного и того же фрагмента Сафо. По мнению В. Вересаева: Дика — имя ученицы Сафо (сокращенное имя «Мнасадика»). По мнению Вяч. Иванова: Дика — дочь Зевса, богиня Правда. Но здесь, конечно, богиня Правда, не суровая блюстительница справедливости

у трона Зевса, как думается В. Вересаеву, а одна из трех Ор, о которых Гесиод упоминает в «Теогонии» (903): «Пышные нивы людей земнородных они охраняют» (в переводе В. Вересаева же). Фее полей, конечно, к лицу украшать себя венком из укропа. Возражение В. Вересаева Вяч. Иванову отпадает. Дика — вряд ли ученица Сафо — Мнасадика.

К Лесбиянке. — Для сопоставления приводим в переводе Н. Берга. Размер передан им не точно:

Мяч бросая пурпуровый мне,
Манит к играм меня Эрот
С этой резвой малюткою
В разноцветных сандальях.
По с Лесбоса она, увы,
И не любит седых волос;
Вспоминает с тоской в душе
О кудрях золотистых.

Алкман. — Лирическая тема стихотворения Лермонтова «Горные вершины» поставлена Алкманом. Приводим мелос Алкмана в переводе Вересаева.

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья,
Змеи, сколько их черная всех земля ни кормит,
Густые рои пчел, звери гор высоких
И чудища в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.

Тему подхватил Гете:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh;
In allen Wipfeln
Spürest du

Kaum einen Hauch;
Die Vögelein Schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

От Гете — вольная вариация Лермонтова:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Более близок тексту стихотворения Гете перевод В. Брюсова — но и он ритмически не верен:

На всех вершинах —
Покой;
В листве, в долинах
Ни одной
Не дрогнет черты;
Птицы спят в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты.

Такова *эволюция темы*: Алкман — Гете — Лермонтов. Точный по смыслу перевод мелоса Алкмана, сделанный В. Вересаевым, не передает ритмомелодии оригинала и звучит прозаически. В оригинале цензура отчетливо рассекает стихотворную строку, что при богатстве инструментовки (созвучия на «ай» — «эр» — «о») и пауз дает великолепную мелодику и подчеркивает мощность образов.

«Жалоба Данаи». — В деревянном ларе, носимом по морю, заключена царица Даная с мла-

донцем Персеем. Ср. Пушкинскую сказку «О царе Салтане»:

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

Античная параллель указывает, что мы имеем дело с бродячим сказочным мотивом.

«*Фесей*» — Фесей-Тезей (см. Словарь: Тезей и сказочный мотив о мече-кладенце). Присоединен «мотив узнавания»: юноша Тезей с мечом, по которому его узнает отец Эгей, идет победоносно от Истма (Коринфский перешеек) к Афинам, истребляя богатырей-разбойников.

«Пандиона Чадо и Креусы» — Тезей.

«Колебателя суши сын» — Перифет, разбойник-богатырь палиценосец, слабоногий сын Гефеста.

Губительная веприца — дикая чудовищная свинья, рожденная Ехидной, обитала в лесу возле города Кромиона.

Скирон — богатырь-разбойник; принуждал путников мыть ему ноги; затем свергал их со Скиратского утеса в море, где их пожирала черепаха.

Керкион — богатырь, борец, одолевавший путников в рукопашной борьбе.

Прокопт — знаменитый Прокруст, разбойник; он клал путников на постель и с помощью пилы и молота длинноногих укорачивал, коротких растягивал.

Лемносских горнил ключи — потухший вулкан Мосихла.

«*Юные жертвы* или *Фесей*» — пеан, для нас — античная баллада. Сочинен, вероятно, после Сала-

минской битвы: за это говорит радостный тон. Из цикла мифов о Тезее и Минотавре.

Мотив брошенного в море кольца, который должен достать со дна морского Тезей, напоминает аналогичный мотив в балладе Шиллера «Der Taucher» (в переводе Жуковского: «Кубок»).

Семонид Аморгосский. — Фрагмент из гномической поэмы о женщинах, в переводе Я. Голосовкера перепечатан из журнала «Гермес» 1913 г. Ямбический триметр оригинала передан по-русски александрийским стихом.

Семонида еще в IV веке читал Юлиан Отступник.

Пиндар. — Стиль оды Пиндара не совпадает с высокопарным стилем ложноклассической оды, якобы взявшей Пиндара себе за образец. Оды Пиндара — это музыкальные композиции. Сложна ритмо-мелодическая структура стиха, но стиль оды прост. Заметно совпадение ритмического и грамматического ударений. Если отклонить гипотезу, что остов музыкальной мелодии заключен в самой эвфонической структуре словесного текста, то оды Пиндара без их музыкального аккомпанемента, для нас погибшего, придется признать непереводимыми. Таково же было и мнение Цицерона. Вячеслав Иванов строит свой перевод по принципу музыкальному, архаизируя Пиндара на византийский манер обилием славянизмов. Для сравнения приводим оба фрагмента из I пифийской оды — в честь победы царя-ристателя Гиерона Сиракузского и Этнейского на Дельфийских состязаниях 470 года до н. э. — в переводе А. Майкова:

Вступление

Золотая лира, совместное достояние (сокровище) Аполлона и темнокудрых муз. Тебе повинуется пляска, начало торжества, твоих же указаний слу-

шают и певцы, когда ты (искусною) рукою изливаешь звуки руководящих хором прелюдий. Ты же погашаешь губительную молнию вечного огня. На Зевсовом скиптре дремлет, свесив быстрые крылья, орел, царственная птица, и ты, лира, окутываешь его хищную голову черным облаком, погружающим его в сладкий сон, смыкая его вежды. Очарованный твоими звуками, он, нежась, в дремоте плавно вздымает свою спину. Даже сам суровый Арей, далеко отбросив грозное оружие, услаждает сердце песнью: вот как, о лира, твои звуки смягчают сердца божеств чарами искусства сына Латона и высокогрудых муз.

Среброверхая Этна

Но все, чего не возлюбил Зевс — повсюду — и на земле, и на безбрежном море, услышав глас пиерид, трепещет, подобно врагу богов, распростертому в черном Тартаре, стоглавому Тифону. Некогда его вскормила многославная пещера Киликийская, а теперь его волосатые перси подавлены всей тяжестью перепоясывающих море холмов Кимейских и Сицилии. На него налегла снежная Этна, громада (столб), достигающая неба, вечная кормилица ослепляющего очи снега.

От нее, из ее недр извергаются священные потоки не допускающего к себе огня, и эти реки днем дымятся клубами желтого дыма, но во мраке ночей извивающееся красными языками пламя с шумом несет камни глубоко в морскую поверхность. То — чудовищный Тифон изрыгает на нас ужасные струи Ифеста; то — чудо, повергающее в удивление и тех, кто его видел, и тех, кто про него слышал от очевидцев, как Тифон лежит в крепких оковах между покрытыми почерневшим лесом вершинами и низовьем Этны, и нас терзает

его колючее ложе, к которому пригвождено его тело.

Знаки (—) служат паузами при колоноразделах.

Среброверхая Этна. — Описание извержения Этны в 475 году до н. э.

По теогонии — огнедышащий, чудовищный сын земли Тифон был перунами Зевса низвергнут в Тартар и придавлен Этной (собственно, окрестностями итальянских Кум близ Неаполя).

Гефестовы — вулканические.

ТРАГЕДИЙНАЯ МЕЛИКА

В извлечениях из хоров трагедий в текстах намеренно не обозначены названия трагедий и исполнителей хоров, — океаниды ли они, мирмидонские моряки или фиванские старцы, — чтобы читатель воспринимал текст только как лирическое замкнутое стихотворение, а не как момент трагедийного действа. Порой и в самой трагедии хор выражает желание поэта, его «я», — и тогда песня хора — не что иное, как лирика Эсхила, Софокла, Еврипида. Замещение лица хора лицом поэта тем легче, что хор говорит о себе, как об одном лице: «я», а не «мы», — даже тогда, когда партию исполняет полухор или хор, а не корифей или единичный участник.

Монодии — сольные песни — извлечены как цельные лирические отрывки из монологов героев или мнимых диалогов, где роль собеседника-корифея или единичного участника хора ограничена резиниациями на жалобу героя. В действительности здесь перед нами монолог: герой беседует сам с собой; партия собеседника опущена.

Отдельные отрывки взяты из следующих трагедий:

Кара Прометея — из трагедии «Прометей» Эсхила.

Ио-страдалица — из той же трагедии.

Видение Кассандры — из трагедии «Агамемнон» Эсхила.

Самоослепление Эдипа — из трагедии «Эдип Царь» Софокла.

Прощание Антигоны — из трагедии «Антигона» Софокла.

Горе Филоктета — из трагедии «Филоктет» Софокла.

Томление Федры — из трагедии «Ипполит» Еврипида.

Умирающая Алкеста — из трагедии «Алкеста» Еврипида.

Жалоба Елены, Сетование Елены и Елена и Менелай — из трагедии «Елена» Еврипида.

Плач Гекубы над трупом Полидора — из трагедии «Гекуба» Еврипида.

Рассвет — из трагедии «Ион» Еврипида.

Обреченный Атлас — из хора океанид в трагедии «Прометей» Эсхила.

Прометей-вольнодумец — из той же трагедии.

Песнь эриний — из хора эриний в трагедии «Евмениды» Эсхила.

Пеан и дифирамб — хор служанок из трагедии «Трахинянки» Софокла.

К Пану — из хора саламинских воинов в трагедии «Аянт» Софокла.

К Эроту — из хора фиванских старцев в трагедии «Антигона» Софокла.

Вина Аянта — из хора саламинских воинов в трагедии «Аянт» Софокла.

Над спящим Филоктетом — из хора мирмидонских моряков в трагедии «Филоктет» Софокла.

Край Колона — из хора колонских селян в трагедии «Эдип в Колоне» Софокла.

Упрек — из хора трезенских гражданок в трагедии «Трахинянки» Софокла.

Элегический фрагмент — из трагедии «Электра» Софокла.

Убийство Агамемнона — из хора микенских девушек в трагедии «Электра» Софокла.

Филоктет-страдалец — из хора мирмидонских моряков в трагедии «Филоктет» Софокла.

Знамение — из хора фиванских старцев в трагедии «Антигона» Софокла.

Гимн Киферону, Чума в Фивах, Жребий смертных — из хора фиванских вельмож в трагедии «Эдип царь» Софокла.

Смерть и старость, Моление к Аидонею — из хора колонских селян в трагедии «Эдип царь в Колоне» Софокла.

Человек-победитель — хор фиванских старцев в трагедии «Антигона» Софокла.

Гимн Артемиды — хор охотников в трагедии «Ипполит» Еврипида.

К Эроту — из хора трезенских гражданок в той же трагедии.

Власть любви — из хора коринфских гражданок в трагедии «Медея» Еврипида.

Любовь Федры — хор трезенских женщин в трагедии «Ипполит» Еврипида.

К Афродите — из хора халкидских гражданок в трагедии «Ифигения в Авлиде» Еврипида.

Покинутая Медея — из хора коринфских женщин в трагедии «Медея» Еврипида.

Скорбящая Деметра, Примирение Зевса с Деметрой, Красавица Елена — из хора эллинских пленных девушек в трагедии «Елена» Еврипида.

Ожидание, Вакханки и Дионис — из хора вакханок в трагедии «Вакханки» Еврипида.

Леда и Елена, Доблесть — из хора халкидских гражданок в трагедии «Ифигения в Авлиде» Еврипида.

К Ладье, Отзывчивость, К соловью — из хора эллинских пленных девушек в трагедии «Елена» Еврипида.

Желание — из хора трезенских женщин в трагедии «Ииполит» Еврипида.

Песня рабыни — из хора эллинских пленниц-храмослужительниц в трагедии «Ифигения в Тавриде» Еврипида.

Старость, К музам, Игра судьбы, Война-безумье, Гибель тирана, Сад Гесперид, Гимн Гераклу — из хора фиванских старцев в трагедии «Геракл» Еврипида.

Медея-детоубийца, Вероломство мужей, Счастье бездетности, Бессилие лиры — из хора коринфских гражданок в трагедии «Медея» Еврипида.

Видение Кассандры. — Сюжет отрывка — убийство Агамемнона. Вариант более полного перевода Вяч. Иванова:

О Апполон разящий!
Увы мне, злосчастной!

Путей страж, разящий,
Сразивший меня
На смерть, мой бог!
Стрелой другою на смерть ты сразил меня!

Путей страж, разящий,
Сразивший меня
На смерть, мой бог!

Куда, увы, в какой ты дом меня привел?

Богопротивный кров, злых управитель дел
Дом-живодерня! Палачей

Помост, людская бойня, где скользишь
в крови!

Вот они, вот стоят — крови свидетели!
Младенцы плачут: «Тело нам
Рассекли и сварили, и отец нас ел!»

Увы! Жена, — — что предусмыслила?
В дому злодейство новое,

Великое вершится, ужас родичам.
Целенья не будет, не снидет спасенье,
Друг не придет помочь.

Содеять что — — хочешь, проклятая?
Того, с кем ты спала, — зачем
В купель сойти торопишь, искупать спешишь?
Что дале — не вижу. Спешат. В чью-то руку
Что-то сует рука . . .

А! . . а! . . Увы, увы! Что я увидела?
Аида сеть! Секира!
Топор двуострый! С ним она, с убийцею,
Давно спала!
Демон семьи, раздор, — — жадный, ликуй!
Вдыхай
Крови дым! Грех свершен.

А! . . а! . . Вот, вот . . . Держи! Прочь от быка
гони
Корову! Рог бодает . . .
Рог черный прободает плоть, полотнами
Обвитую!
В хитрых тенетах он! . . Рухнул в купальне,
мертв . . .
Выкупан в бане гость.

Увы, горемычную — — ждет меня лютый час.
Плач по себе творить — — срок настал
вещунье.
Зачем привел ты пленницу, владыка мой,
В сей дом? Чтоб вместе смерть принять?
За чем иным?

Блажен соловья удел — — звонкою встарь его
Птичкой пернатою — — обернули боги
И сладкогласной даровали легкий век;
Мне ж от секиры обоюдоострой пасть.

Увы, Парисов брачный пир, — — родине пагуба!
Увы, Скамандр, — — отчий, святой поток!
Светлый, у струй твоих — — вспоена, вскормлена.
Я, бесталанная!
По милой жизни срок сочтен: зовет Кокит
Иль Ахерон вещунью — прорицать теням.

О Трои, Трои день страстной, — — гибель конечная!
Вы, отчие — — жертвы богатые,
Посереди кремля — — жертвы стотельчие,
Жертвы напрасные!
Твердынь родимых не спасли вы, тучные!
А ныне жаркой жертвой пасть — черед
за мной.

Песнь эриний. — Эсхилом в трагедии «Эвмениды» выведен на сцену хор эриний-эвменид. Эринии в ожидании Афины-Паллады поют матереубийце Оресту грозный, так называемый «вяжущий гимн». Ф. Шиллер в балладе «Ивиковы журавли», обрабатывая легенду о смерти поэта Ивика, якобы убитого разбойниками, использовал этот гимн для своей песни эриний.

«Wohl dem der frei von Schuld und Fehle
Bewahrt die Kindlich reino Seele!
Ihm dürfen wir nicht rächend nahn,
Er wandelt frei des Lebens Bahn.
Doch wehe, wehe, wer verstohlen
Des Mordes schwere Tat Vollbracht!
Wir hoften uns an seine Sohlen,
Das furchtbare Geschlecht der Nacht.
«Und glaubt er fliehend zu entspringen.
Geflügelt sind wir da, die Schlingen
Ihm werfend um den flücht'gen Fuss
Dass er zu Boden fallen muss.
So jagen wir ihn ohn' Erbarmen,
Versöhnen kann uns keine Reu,
Ihn fort und fort bis zu den Schatten
Und geben ihn auch dort nicht frei».

В переводе Жуковского:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему во след:
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

«Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растерзанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита:
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита,
Но не покинем вас и там».

Пеан. — Данный пеан — сольная песнь хористки: гимн в честь Аполлона и Артемиды. Хор трахинянских девушек пляшет под звуки кифары. Здесь пеан еще не имеет того сложного трихотомического членения на строфу, антистрофу, эпод, которое введено Стесихором в хоровую мелику.

Дифирамб. — Этот коротенький дифирамб, как и дифирамб из трагедии «Вакханки» Еврипида, — страстная хоровая песнь под звуки кларнетов и звон тимпанов — дает некоторое представление о древнем вакхическом дифирамбе — гимне в честь Диониса. При пении дифирамба построение хора круговое, а не карэ. Такой дифирамб надо отличать 1) от «дифирамба» — хора сатиров, преобразованного, по преданию, поэтом Арионом в драматическое действо, и 2) от позднейшего дифирамба, виртуозной композиции, в роде «Фесея» Вакхилида или еще более торжественного, так называемого кифародического пома, один образец которого дошел до нас от поэта Тимофея, т. е. от века борьбы слова и музыки в хоровом мелосе.

К Эроту. — В трояком осмыслении дан Эрос античной мифологией: 1. Безо́бразный Эрос древних космогоний, где Эрос — сын хаоса, стихийная космическая сила; 2. Философский Эрос Платонова диалога «Пир», где Эрос — некий творческий стимул воображения к осуществлению абсолютных ценностей в культуре или, как его обозначал сам Платон: Эрос — творческая устремленность «к бессмертию в красоте», истолкованный романтиками, как высший романтический инстинкт философа, и 3. Эрос — божок любви с луком, язвящими стрелами, иногда с зажженным факелом, сладкий мучитель человеческого сердца — размененный на сонмы эротов. купидонов, этих Putti — будуарных божков, шалунов

анакреонтических песенок, диалогов Лукиана, помпейских фресок, благополучно доживших до стиля рококо. Сто́ит Эрота из гимнов Софокла и Еврипида, Эроса-молотобойца Анакреона и безумящего душу Эроса Ивика, которыми образ космогоний как бы еще бросает свою тень на страстную тоску человеческого сердца, сопоставить с забавником анакреонтических песенок, чтобы почувствовать увядание эллинской культуры — легкую смесь цинизма и скепсиса эпохи александрийства, когда возвышенное трагическое мировосприятие, разложенное и осмеянное новой аттической комедией заменяется веселым балагурством искателя наслаждений.

Вина Аянта.

Он виной... — Речь идет о виновнике междоусобной распри среди эллинских дружин под Троей.

Бой за Деяниру. — В каждой строфе сообразно с изменением содержа́ния меняется и *этос*, т. е. характер мелодики. *Торжественный* тон I строфы сменяется *тревожными* бакхиями (◡ — —) II строфы, чтобы перейти в *трогательный* тон III и IV строф. Исключительна инструментовка оригинала звуковая доминанта на «ēпа», внутренняя рифма на «ōп», совпадающая с ритмическим ударением, аллитерация (pl-cl). Так в I строфе. И в дальнейших строфах наблюдается богатство ассонансов, перекликающихся между собой, как эхо.

Фрагмент. — Тема: убийство Агамемнона. Ср. с «Видением Кассандры» Эсхила.

Жребий смертных.

Несчастный царевич.—Эдип. Из перевода, сделанного Ольгой Вейс, без соблюдения ритмомелодики оригинала, приводим первую строфу;

Жребий смертных

Смертное племя несчастных людей,
О, как ничтожество жизни твоей
Душу мою поражает!
Много ль блаженства судьба нам дарит?
Мнимого счастья обманчивый вид
Изредка путь наш на миг озарит
И, промелькнув, исчезает.
Твой злополучный пример предо мной,
Бедный Эдип! Пред твоею судьбой
Ныне стою с омраченной душой:
Смертный счастлив не бывает!

Человек — победитель. — Для сравнения приводим также более свободный перевод Д. Мережковского:

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,
По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган.
Плугом взрывает он борозды,
Вместе с работницей лошадью,
Вечно терзая праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли.

Зверя хищного в дубраве,
Быстрых птиц и рыб, свободных
Обитательниц морей,
Силой мысли побеждая,
Уловляет он, раскинув
Им невидимую сеть.
Горного зверя и дикого

Порабощает он хитростью,
И на коня густогривого,
И на быка непокорного
  Он возлагает ярмо.
Создал речь и вольной мыслью
Овладел, подобной ветру,
И законы начертал,
И нашел приют под кровлей
От губительных морозов,
Бурь осенних и дождей.
Злой недуг он побеждает,
И грядущее предвидит
Многоумный человек.
    Только не спасется,
    Только не избегнет
    Смерти никогда.

И гордясь умом и знаньем,
Не умеет он порою
Отличить добро от зла.
Человеческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть он готов.

Скорбящая Деметра. — У Еврипида богиня Деметра отождествлена с Великой матерью богов, «царицей гор» — Кибелой, чей культ, сопровождаемый оргиастическим ритуалом, почитался на Троянской Иде (М. Азия). В сопровождении Артемиды и Афины Деметра мчится за похитителем ее дочери Коры. Ее гнев порождает бесплодие земли. Утешают ее Афродита, Музы, Хариты.

Красавица Елена. — Понимание первых четырех строк затрудняет ученых. Перевод их, сделанный Инн. Анненским, заново выполнен Ф. Зелинским:

Перевод Инн. Анненского:

Огнем лукавым опалила
В чертоге брачном ты того,
Чья страсть два войска погубила,
Но ты дразнила божество.

Перевод Ф. Зелинского:

Тебя ж красавицей взрастила
В отца чертогах твоего
Судьбы загадочная сила —
Ты прогневила божество.

Ф. Зелинский понял перевод Анненского так, будто Елена «согрешила с Парисом», чего по трагедии, действительно, не было и чего нет и в переводе И. Анненского. Елена «дразнила божество», заигрывая с Парисом: только призрак Елены был с Парисом, иначе она была бы виновной. Елена у Еврипида — реабилитирована. Слова вообще загадочные.

Крутящиося диски означают, по догадке Ф. Зелинского, нечто в роде детской игры в дьяболо.

Вакханки и Дионис. — Из двух вариантов перевода — первоначального, сделанного И. Анненским, и позднейшего, переделанного Ф. Зелинского — предпочтение отдано на этот раз второму, как отвечающему смыслу оригинала. Речь в приступе идет о вакханке, а не о Дионисе. Первоначальный текст по И. Анненскому:

О как я люблю Диониса,
Когда он один на горе
От легкой дружины отстанет,
В истоме на землю падет,

Священной небридой одет он,
Путь держит к фригийским горам;
Он хищника жаждал услады:
За свежей козлиною кровью
Гонялся сейчас.

К ладье. — Напутственный гимн (см. Словник: «Сафо» и «Нереиды»). «Дом Персея» означает Арголиду: место на Пелопонесе, где высадился Менелай.

К Диоскурам. — Призыв «К Диоскурам» из трагедии «Елена» Еврипида — вариация темы «Желание». Место действия — Египет. Ливийские птицы — журавли, летящие весной из Египта на север, в сторону Спарты. Концовка навеяна «палинодией», т. е. покаянной песней Стесихора.

Гибель тирана. — Лик, фиванский тиран, захва тивший дом Геракла, им убит.

Бессилие лиры. — Рядом с вольным переводом Д. Мережковского приводим более прозаичный, но точнее передающий речевое движение оригинала перевод И. Анненского:

О, да не будет ошибкой
Сказать, что ума и искусства
Немного те люди явили,
Которые некогда гимны
Слагали, чтоб петь на банкетах,
На пире священном иль просто
Во время обеда, балуя
Мелодией уши счастливых...
Сказать, что никто не придумал
Гармонией лир многострунных
Печали предел ненавистной,
Печали, рождающей смерти,
Колеблющей ужасом царства,
Печали предел положить...

Лечиться мелодией людям
Полезно бы было, на пире
Напрасны труды музыканта:
Уставленный яствами стол
Без музыки радует сердце.

АНАКРЕОНТИКА

Анакреонтика — сборник безыменных коротеньких, легко запоминаемых песенок, где шаловливый Эрот-купидон и гетера являются законодателями морали. Эти песенки по манере и ритму напоминают иные из эротических песен Анакреона. Сочинены были они в александрийскую и римскую эпоху и, распространяясь, все возрастали числом вплоть до византийского средневековья. Кто не распевал тогда этих песенок? Гуляки-студенты, ученые энциклопедисты-музееведы и поэты-академики. Переводами и подражаниями этим песенкам увлекалась и новая Европа. От французов позаимствовали анакреонтику русские поэты XVIII и XIX веков, не отличавшие, как и их учителя, анакреонтики от подлинного Анакреона. Назовем хотя бы Кантемира, Ломоносова, Державина, Хераскова, Капниста, Гнедича, Щербину. Подражал анакреонтике и Тредьяковский. Ломоносов даже вступил в «разговор» с Анакреоном, а Сумароков переделывал на свой лад эти «любовные и пьянственные» песни, которые «высоко поставляются». Только Пушкин, подражая анакреонтике Парни, сумел передать неподражаемо и подлинного Анакреона, приписав ему — не по своей, конечно, вине — анакреонтическую песенку «Узнаю коней ретивых», не смущаясь «клобуками парфян». Непосредственно с греческого языка впервые у нас дали переводы из

анакреонтики И. Львов и И. И. Мартынов, затем — Е. Кульман, В. Водовозов, А. Баженов, Л. Мей и др. В оригинале анакреонтические песенки написаны так называемыми ямбами и анапесто-ямбами. Русские поэты переводили их либо хореями, либо ямбами, и при этом рифмовали, на что имели полное основание: анакреонтическая, простая по структуре, песенка прибегает к цезурной рифме, а иногда и к рифме конечной, хотя все еще не канонизирует ее.

Из выбранных переводов иные переданы не точным размером; хотя у нас есть переводы по размерам более близкие к оригиналу, но нередко они менее художественны. Так, «Ночной гость» Ломоносова интереснее перевода Л. Мея и других. Щербина в стихотворении «Девушка» возвысил оригинал до серьезности.

Ближе к подлиннику, но менее грациозен перевод А. Мая «К женщинам»:

К женщинам

Одарила природа
Твердым рогом быков,
Коней — звонким копытом,
Зайцев — ног быстротой,
Рыб — способностью плавать,
Птиц — полетом воздушным.
Силой духа — мужчин,
А для женщин не остался
Из даров не один.
Вместо броней и копий —
Красоту даровала,
Чтоб женщина ею
И огонь и железо
Всеподобно сражала.

Бесперебойным, захватывающим плясовым ритмом выделяется рифмованный перевод песенки «Должно пить» Вс. Крестовского:

* * *

Пьют и воздух, и поля,
Пьет и черная земля,
Море, солнце — все вы пьете;
Всех поит одна струя —
Так за что же мне, друзья,
Вволю пить вы не даете?

ЭПИГРАММЫ

Античная эпиграмма не то, что эпиграмма в понимании современном, не саркастическое короткое стихотворение с язвительно-заостренной или шутливой, круто завернутой концовкой. Античная эпиграмма тоже коротка (слово эпиграмма означает *надпись*), но как жанр ее определяет форма: двустишие из гекзаметра и пентаметра, как и в элегии древних. Образец — двустишие поэта Мелеара:

«Клей — поцелуи твои, Тимария, огонь — твои очи:
Взором сжигаешь одним, вяжешь лобзаньем живым.

Ее черты — грация, четкость, фактичность, лаконизм. Содержание обычно эротическое. Симонид Кеосский — мастер классической эпиграммы, особенно посвятительной, и эпитафий — считал четверострочие пределом. Талантливых поэтов-эпиграмматиков мало, версификаторов — много. Если отбросить группу так называемых гомеровских эпи-

грамм, посвященных жизни рапсодов и стоящих под знаком вопроса, то первые двустишия эпиграмм были услышаны эллинами одновременно с первыми звуками мелики. Архилох, Сафо, Анакреон — авторы эпиграмм. Кроме Симонида Кеосского (V век), славен ими честолюбивый Фокилид. Он, как дятел, вдалбливает концовкой эпиграммы в читателя свое имя: «И это сказал Фокилид». Запечатление своего имени носит название «сфрагида» — печать.

В эпоху эллинистическую, когда виртуозность мелики дошла до предела и музыка вступает в борьбу со словом, чтобы оторваться от него и стать самостоятельным виртуозным искусством, а лирика отдает постепенно свое первенство риторике, тогда-то и выступает эпиграмма, как господствующий жанр лирической поэзии, и живет долгие века, не оспариваемая в правах, — от III века до н. э. по VI век н. э., у христианина Павла Силенциария все еще полная языческой прелести.

В александрийскую эпоху эпиграммы писались всеми, кто владел пером. Было достигнуто утонченнейшее мастерство, перешедшее в трафарет. Печать личности была замещена печатью безличия.

Авторы эпиграмм для нас только тени, имена: можно смело заменить одно имя другим. У Асклепиада Самосского эпиграмма поднимается порой до подлинного лиризма. Иногда она — крошечное окошечко в быт. Тема обычно: возлюбленная, любимый поэт, горесть, литературная реминисценция. Есть лицо у нищего-поэта Леонида из Тарента. Его эпиграммы — обычно эпитафии, надписи при посвящениях, заказанные бедным рыбаком, прядильщицей, старухой; порой это портреты поэтов и художников. К сожалению, Леонид из Тарента еще не переведен на русский язык.

Популярен был киник Мелеагр, повеса, остроумец, волокита и философ. Его эпиграммы обращены к возлюбленным, действительным или мнимым, где искренность сочетается с литературной модой; все же пульс жизни слышится даже сквозь трафарет стиля. Возлюбленные напоминают у него героинь новелл. Новелла, по-античному, «пестрая история» — любовь Мелеагра к Зенофиле. Ее звенья — отдельные эпиграммы. Мы сгруппировали эпиграммы к Зенофиле, а также и эпиграммы о Гелиодоре, хотя в Палатинской антологии они стоят в разных разделах. Читатель сам отделит надгробные и посвятительные эпиграммы от эротических и раздумий.

Переводы К. Батюшкова скорее вариации на тему, чем переводы. К тому же, они переданы вольным размером.

Эпиграмма Пушкина стоит у него под заголовком «Из Афинея», т. е. извлечена из сочинения Афинея «Трапеза знатоков» (II век н. э.).

Эпиграмма «Нереиды на развалинах Коринфа» написана на разгром Коринфа римским консулом Мумием.

Появление антологии было для Эллады признаком увядания поэзии. На смену вдохновению пришла эрудиция, остроумие, риторика и элегантность. Конец александринизма — начало полного бесплодия в поэзии.

СЛОВАРЬ

(именной и мифологический)

А и д (миф.) — эллинский ад, преисподняя, мглистый мир теней в глубине земли, куда, по Гомеровой религии, сходят тенеподобиями души умерших. Их, укрощая железом, гонит туда, за край земли, за океан, стадами Гермес-Психопомп, душеводитель. Четыре реки обтекают Аид: Стикс, которым клянутся боги, Флегетон, Ахерон и Кокит. Река забвения, Лета, названа впервые у Платона. Уродище, перевозчик Харон, за обол, т. е. грош (его клали на глаза покойника), или за медвяную лепешку перевозит души с этого берега на тот. Там унылые рощи и луга асфоделей, трехглавый пес Цербер у входа, демон Аластор и владыка Аида — бог Аид, что значит Невидимый, — в шлеме — шапке-невидимке. С ним рядом Персефона-Кора, его жена. Там праведные судьи: Эак, Радамат и Минос. Там на вечные муки обречены полубожественные злодеи; почти все они скрытые богоборцы: Тантал, мучимый вечной жаждой, голодом и страхом, Сизиф, бесплодно катящий камень; Иксион на огненном колесе. Там душа — тенеподобие — теряет память и пребывает в вечном забвении. Но стоит вкусить ей кровь — и оживают воспоминания. Устойчивой картины, последовательности в описании Аида нет. Воздействие мистерий и Дельф варьировало детали и смысл. Но народная религия цепко держалась за поэтическую фантазию впротивовес религии государственной.

Много мрачных мест указывает география древних для схождения в страну теней. Туда сходили герои и уводили с собой на землю друзей, возлюбленных, даже Цербера: Орфей, Геракл, Тезей, Одиссей. Аиду противополагается Элизиум, острова вечного блаженства. Случалось, один и тот же герой, как бы двоясь, предавался одновременно вечному блаженству — любви, пированию, пляскам, музыке — в Элизиуме и вечному равнодушию в Аиде. Полного уничтожения, *ничто* — эллины не знали. Их любовь к жизни предпочитала полному *ничто* тенеподобное существование. Только орфизм с его трагической концепцией пытался нарушить эту мглистую скуку без сновидений хотя бы картиной жестокости католического ада, чтобы угрозой кары и возмездия держать во власти души живых.

Аидоней — Аид — Гадес — Плутон: божестве Аида.

Агамемнон — мифологический царь Микен (древнего города на Пелопонесе, ныне Морее), главнокомандующий эллинских дружин, осаждавших Трою. Был убит вместе с Кассандрой по возвращении на родину своей женой Клитемнестрой и ее любовником, античным прототипом «временщика», Эгистом, якобы в возмездие за принесение в жертву Агамемноном родной дочери Ифигении. Герой одноименной трагедии Эсхила.

Агатий — историк, один из поэтов-эпиграмматиков византийской плеяды VI века н. э.

Алкей — всеэллинский поэт (VII — VI век до н. э.), родом с о. Лесбоса. Лесбос в пламенной Эолии — родина сольной страстной мелики. Выходец с Лесбоса Арион — создатель бурного дионисийского дифирамба. О лесбосском пеане упоминает

Архилох. Там бурный Алкей создал свою четырехстрочную алкееву строфу, сдерживающую медлительной напевностью свою стремительность. Это один из высших образцов свойственного эллинам искусства *гармонизировать оргиазм* (см. стих. «Буря», «Зима»). Гораций, Клопшток и Гельдерлин возродили алкееву строфу. Две темы характеризуют поэзию Алкея: политическая распря и попойка. Так возникает образ: Алкей — аристократ-заговорщик боец и Алкей — гуляка. Встреча тем: ликование по поводу смерти Мирсила, тирана Митилен, столицы Лесбоса.

Пить, пить, давайте! Каждый напейся пьян!
Хоть и не хочешь, — пьянствуй! — издох Мирсил.

Алкей — также и гимнотворец. Революция вынудила Алкея эмигрировать и служить наемником на чужбине. По амнистии правителя Питтака Алкей был возвращен в Митилены. Умер в старости. Алкей отодвинут на второе место славой Сафо. Впоследствии оба они были оскорбительно осмеяны новой аттической комедией в угоду банальным диктаторам вкуса IV века. Из десяти книг Алкея дошло очень мало, большей частью отрывки.

Алкей 2-й Мессейский — поэт-эпиграмматик и сатирик из плеяды старших александрийцев (III век до н. э.).

Алкеста — мифологический образ жены, добровольно, из любви к мужу, сошедшей вместо него в Аид. Геракл вывел ее из Аида на землю, отвоевав у Танатоса — смерти. Героиня одноименной трагедии Еврипида.

Алкман — древнейший поэт, первый представитель хоровой мелики (VII век до н. э.), «знаток

всех птичьих напевов» — такова самохарактеристика. Выходец из Лидийских Сард (М. Азия). Был славен партениями — девичьими процессиональными хоровыми песнями. Жил в Спарте, в музическом и политическом центре Эллады той эпохи. Руководитель поэтической школы наподобие «Дома Муз» Сафо. Хормейстер. Из 6 его книг дошел один искалеченный партений и россыпь строк.

Анакреон — поэт-мелик, Гафиз Эллады, третий по счету в александрийском каноне девяти славнейших лириков Эллады. Иониец с о. Теоса (VI век до н. э.) — знакомый читателю по анакреонтическим песенкам, которые ему издревле приписывались, но которых он не писал. Платон отозвался о нем, как о мастере эротического жанра. Но он знает и титанического молотобойца-эроса. Вино и любовь — обычный, но не единственный мотив его грациозной поэзии. Он и гимнотворец. Его песни рано стали застольными. Вот двустрочие из застольной песенки:

Дай воды, вина дай, мальчик! нам подай венков душистых,
Поскорей, беги, с Эротом побороться мне охота.

Уже в Афинах V века запечатлелся образ Анакреона, жизнерадостного старца: как с лирой в руке, пошатываясь или спотыкаясь, проходит он окруженный свитой мальчиков. Вазовая живопись, аттическая комедия и александрийская эпиграмма постарались усилить этот образ; возник искаженный образ Анакреона-пропойцы, кутилы, веселого старичка анакреонтики. Известно, что Анакреон был воином, странствующим певцом, затем придворным поэтом Поликрата Самосского, чуть ли не его советником и дипломатом, как об этом со-

общает биограф Гимерий. Он умер 85 лет от роду, якобы подавившись виноградиной: тоже, вероятно, выдумка комедии.

Антигона (миф.) — дочь царя Эдипа; героиня, нравственный долг поставившая выше формального законодательства государства: вопреки запрещению похоронила своего брата, изменника Полиника. Героиня одноименной трагедии Софокла.

Антология Палатинская (Antologia Palatina) — средневековый сборник эпиграмм. Его ядро составляют четыре античные антологии: «Венок Мелеагра» (I век до н. э.), «Венок Филиппа» из Фессалоник (эпохи Калигулы, I век н. э.), собрание Стратона (римская эпоха) и цикл Агатия (византийская эпоха). Ядро ее установил в X веке Константин Кефал; дополнил ее в XIV веке монах Плануд. На протяжении веков банальные редактора в угоду банальным читателям заменяли подлинно поэтические песни бездарными эпиграммами. Рукопись хранится в Гейдельберге.

Антипатр Фессалийский — поэт-эпиграмматик I века н. э., из плеяды младших александрийцев.

Антифил Византийский — поэт-эпиграмматик I века н. э. — из той же плеяды.

Аполлонид — поэт-эпиграмматик.

Ариадна (миф.) — обожествленная героиня, дочь царя Критского Миноса. При помощи клубка ниток помогла Тезею-Фесею выйти из лабиринта. Возлюбленная Тезея, покинутая им по воле богов на острове Наксосе, где стала женой Диониса.

Аригнота — подруга, ученица Сафо.

Арион — поэт (VII век до н. эры), автор недошедших до нас дифирамбов. Известен больше по переданной Геродотом легенде о том, как он был спасен на море от пиратов дельфином, привлеченным к кораблю предсмертным пением певца-поэта. Легенда вдохновила Пушкина на стихотворение «Арион» («Нас было много на челне. . .»).

Артемида (миф.) — богиня-девственница и богиня девственности и охоты, покровительница девственника Ипполита (в трагедии Еврипида «Ипполит»), сестра Аполлона.

Архилох — поэт, у которого свое лицо (первая половина VII века до н. э.) — лирик и ямбограф, пасынок бурной эпохи революций и войн. Сын рабыни и аристократа, бедняк, вечный солдат-наемник, вечный скиталец, неудачник, язвительный насмешник, всегда мужественный и мстительный. Согласно преданию, он довел до петли Ликамба, отца отвергнувшей его красавицы Необулы. Когда он сам был убит в бою с наксосцами некоим Кораксом, оракул Дельф, покровитель поэтов, отверг убийцу:

Вон из храма, уйди! служителя муз умертвил ты!

(В. Вересаев)

Потомство увековечило Архилоха двуликим гермом — статуей, где Архилох и Гомер — голова к голове. Соседство Гомера — высшая почесть, которой мог удостоиться поэт. Архилох — изобретатель разнообразных размеров и видов поэзии: особенно сатирических ямбов и эподов. Прибегал и к тетраметру — восьмистопному хорею. (См. «Призыв к мужеству»).

Асклепиад Самосский — талантливый поэт-эпиграмматик из плеяды старших александрийцев (III век до н. э.). Его именем названа его излюбленная строфа — асклепиадова.

Атлас-Атлант (миф.) — титан-небодержатель у пределов земли, где столпы Геркулеса (скалы Гибралтара).

Аттида — любимая подруга и ученица Сафо.

Аянт (миф.) — старший сын Теламона, герой Троянской войны, второй после Ахилла богатырь Гомерова эпоса. Впал в безумие от гнева, когда оружие павшего Ахилла было присуждено его сопернику, лукавому Одиссею. В припадке ярости истребляет мечом стада быков, принимая их за ахеян (эллинских воинов), и, придя в себя, от стыда бросается на меч. Герой одноименной трагедии Софокла.

Бореады. В мифологии Бореады — два сына, Зет и Калаид, северного бурного ветра Борея. Освободители слепца-поэта Финея от жадных, поганящих пищу, гарпий — птицеобразных демонов вихря. Участники похода Аргонавтов. Здесь Бореады — очевидно, ветер.

Вакхилид — афинский поэт (V век до н. э.), последний по счету в александрийском каноне девяти славнейших поэтов. Знаменит как автор баллад и од, т. е. дифирамбов, пеанов и эпиникиев. Его дифирамб «Фесей» — в диалогической форме — зачаток драмы. Он — мастер стиха и композиции, отчасти ритор, любитель эффектов и вычурного словаря. В 1897 г. находка папирусов в гробнице Египта обогатила нас 20-ю его поэмами.

Гедил — поэт-эпиграмматик из плеяды старших александрийцев (III век до н. э).

Геликон — лесистая вершина горного кряжа в Средней Греции, прославленная в древности рощей Муз — среди местности, обильной ключами. Ныне Палеовуна.

Геракл (миф.) — герой эллинских сказаний, обожествленный за свои трудовые подвиги, как бы преемник страданий Прометея, освобожденного им от коршуна. Герой трагедий «Трахинянки» Софокла и «Геракл» и «Гераклиды» Еврипида. Среди канонизированных учеными александрийцами двенадцати подвигов труда и мужества Геракла, в одном повествуется, как Геракл добыл в саду Гесперид яблоки молодости. Знаменита известная притча софиста Продика (V век до н. э.) «О Геракле на распутьи»: двумя полубогинями герою предложен выбор между наслаждением и трудом. Герой избирает труд.

Геспериды (миф.) — нимфы, хранительницы яблок молодости в саду на дальнем Западе близ Столпов Геркулеса (ныне Гибралтар).

Гигес — баснословный богач, лидийский царь.

Гиппонакт — поэт-ямбограф (VI век до н. э.), фигура античного люмпен-пролетария и представителя богемы. Изобретатель так называемого холиямба, т. е. хромого ямба: ямбического шестистопника, в котором последняя стопа замещена трохеем или спондеем, так что ритм спотыкается, поражая неожиданностью. В переводе А. Иванова холиямб не соблюден.

Данайцы — эллины.

Д а н а я — сказочная царица (см. прим., стр. 181). Царю Аргоса Акризию была предсказана смерть от будущего сына его дочери Данаи. В подземную железную тюрьму, куда заключил Акризий Данаю, золотым дождем проливается Зевс; рождается у Данаи Персей. Разгневанный Акризий заключает Данаю с сыном в деревянный ларь и приказывает бросить его в море.

Д е л о с е ц — Аполлон.

Д е м е т р а (миф.) — мать-земля, богиня плодородия и золотоколосной нивы, прославленная элевзинскими мистериями с их «dromena» — мимическими представлениями, где переключение радости в скорбь связано со сказанием о похищении дочери Деметры Коры-Персефоны богом преисподней Плутоном. Содержание мифа: тщетное преследование Деметрой похитителя, ее скорбь, ее улыбка от скабрезной шутки служанки Ямбы, или Баубо и возвращение богами Коры на полгода из аида на землю, истолковываемое как символ вечной метаморфозы природы, восхода и увядания злаков. Такова редакция предания в орфических и гомеровых гимнах. У Еврипида — вольный вариант (трагедия «Елена»).

Д е я н и р а (миф.) — в трагедии Софокла «Трахинянки» жертва трагической интриги. Жена Геракла, добытая им после боя с соперником, речным богом, Ахелоем, по неведению, погубила Геракла, послав ему одеяние, пропитанное вместо приворотной мази — смертельным ядом (сказание о предсмертном даре-мести кентавра Несса).

Д и е в — Зевсов (прилагательное).

Д и о н и с (миф.) — он же Вакх и Бромий — в древней поэзии является в многоединром образе: 1) как бог

оргиастического культа, перенесенного в Элладу из Фракии: символ бурного роста жизненных сил, вечного возрождения природы; 2) как бог виноградной лозы, вина и празднеств, связанных со сбором винограда; 3) как бог-покровитель театра и актеров и сперва единственный герой драматического действа (зачатки трагедии); 4) как орфический, растерзанный титанами, намеченный спаситель мира, не ведающий вины, бог-мученик мистерий (он же Загрей). По преданию древних, первоначально его поклонники и поклонницы — вакханты и вакханки-менады — участники дионисийского «тиаса», т. е. бурного сонма, празднующего свое сопричастие с жизнью, с Вакхом — этим вечным оборотнем, обольстителем, притворщиком, видимым-невидимым. Они носятся ночью по лесистым горным полянам (оргадам) шумной ватагой при блеске факелов, доводя себя «до экстаза» (т. е., по учению орфиков, до «выхода души из тела») пляской и оглушительно звонкой музыкой от дроби и завывания тимпанов, кимвалов, авлов, рогов — с воплем «эвоэ!» На их плечах, вокруг стана — небриды (оленьи шкуры), на голове — венки из плюща, в руках — тирсы: увитые виноградом и плющем палки или змеи. Есть изображения, где они в исступлении разрывают живую жертву — быка. Этот бык — как бы сам растерзанный титанами Дионис орфических таинств. Оргии Диониса встретили сопротивление со стороны религии гармонизатора Аполлона (с центром в Дельфах). О длительной борьбе двух религий говорят сказания о противниках Диониса — о Ликурге и Пентее (см. «Вакханки» Еврипида). Оргии Диониса стали все-таки общеэллинским праздником — «триетиридами», справляемыми раз в два года на луговинах Парнаса. По новому мифу, Дионис второй — сын фиван-

ской царевны Семелы, рожденный до срока, был зашит Зевсом в бедре, — из бедра и родился. Загрей же, Дионис первый орфический — сын Персефоны и Зевса. Нимфы Ниссы воспитали его. Зеркалом заманивают его к себе титаны. Отрок видит свое *отражение* в зеркале. Он видит также злой умысел титанов и бежит, оборачиваясь в *различные тела*. В образе быка он настигнут титанами и ими *растерзан*. Только сердце его, спасенное Афиной, успел проглотить Зевс, чтобы родить второго Диониса. Титаны сражены перунами Зевса. Из их пепла возникает людской род. Человек двоеначален: в нем дионисическое начало устремлено к гармонии, к воссоединению с миром, а титаническое — к хаосу и к индивидуации, т. е. обособлению личности. Душа его бессмертна. «Правила» орфической жизни помогают одолеть титаническое начало дионисическим и освободить душу. Но до достижения вечного блаженства в Дионисе душа пребывает в гробнице тела (sôma — sêma), подвержена перевоплощениям и загробному суду. Так изображается культ Диониса в орфической литературе, теогонии и других памятниках поэзии. Орфические секты были преобразованы Пифагором в VI веке до н. э. в религиозно-политический орден.

Диоскуры (миф.) — обожествленные богатыри-близнецы, братья красавицы Елены: Кастор и Поллукс-Полидевк — спасители гибнущих на море и средь битв. Отбили некогда Елену у похитителя Тезея и Перитоя. Созвездия «Близнецы» Зодиака.

Еврот — река в древней Лаконии на Пелопонесе (Морея).

Елена — легендарная красавица, дочь Леды и Зевса, в образе лебедя обольстившего Леду. Винов-

ница Троянской войны: бежала с троянским царевичем, красавцем Парисом, от мужа, спартанского царя Менелая. Под воздействием Дельф, благосклонных к Спарте, где Елена-Селена (луна) почиталась богиней, Елена была реабилитирована введением мотива призрачного двойника, обычного для эллинских мифов: Парис увез в Трою не Елену, а сотканный из эфира образ Елены, сама же она была перенесена Гермесом в Египет, где и пребывала до конца Троянской войны и встречи с Менелаем. Елена, как верная жена — тема «Палинодии», покаянной песни поэта Стесихора. Мотив «призрачной Елены», использованный в трагедии Еврипидом и послуживший Гете для образа призрачной Елены во второй части «Фауста» — приведен Гесиодом.

Ивик — эллинский поэт (начала VI века до н. э.), знаменит энкомиями-славословиями и отрочьими гимнами, — хорами мальчиков. Увековечен Шиллером в балладе «Ивиковы журавли», где использована легенда о смерти Ивика. В действительности Ивик не был убит.

Ио (миф.) — возлюбленная Зевса, жертва ревности Геры, запечатленная трагедией «Прометей» Эсхила. В образе коровы, язвимая оводом, под охраной стоглазого призрака Аргуса, она блуждает по земле. Прародительница Геракла. Любопытна аналогия: обольщение во сне Зевсом Ио и обольщение Кандиды Сатаной («Мерлин» Иммермана).

Идейский — от Иды, горы близ Трои.

Ирина (миф.) — богиня мира.

Истм — Коринфский перешеек.

Ифест (миф.) — Гефест — хромоногий бог-кузнец, молотобоец. Тайный противник Зевса на Олимпе. Он же — виночерпий.

Ифигения (миф.)—невинная жертва, юная дочь Агамемнона, принесенная отцом в жертву в Авлидской гавани для умилостивления богов, препятствовавших непогодой отплытию всеэллинского войска под Трою. По одному варианту мифа была восхищена богиней Артемидой из-под ножа заклателя и перенесена в Тавриду, где пребывала жрицей в храме Артемиды. См. трагедии Еврипида: «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде».

Кадмеец — потомок Кадма, — Геракл (см.).

Кассандра (миф.)— вещая дочь троянского царя Приама, пленница Агамемнона, убитая Клитемнестрой. Ее пророчествам никто не верил: это было карой Аполлона за отказ ему в в любви.

Кастальский ключ — ключ у горы Парнаса — символ чистой поэзии.

Киферея (миф.) — Афродита, называемая так по месту ее культа, острову Кифере.

Киферон — гора на границе древней Аттики и Беотии.

Киллена — гора на границе Ахаи и Аркадии на Пелопонесе (в Морее). Месторождение Гермеса.

Киприда — богиня любви и красоты Афродита.

Кносс — древнейший город на о. Крите. Место раскопок Эванса, открывшего дворец Микенской культуры с критскими письменами.

Колон — местность на северо-западе Аттики, место смерти и погребения Эдипа, согласно мифу.

Кронид — Кроний — Зевс.

Латона (миф.) — богиня, мать Аполлона и Артемиды (см.).

Леда — мать Елены и Диоскуров (см.).

Локридский — от Локриды, местности в Средней Греции.

Мариан схоластик — поздний эпиграмматик византийской плеяды.

Медея — легендарная волшебница, дочь царя Колхиды Аэта. Помогла герою Ясону, вождю аргонавтов, добыть золотое руно. Героиня одноименной трегедии Еврипида. Мстя Ясону за измену, из ревности отравляет его невесту, свою соперницу, золотой диадемой и пеплосом, напоенными ядом, и убивает своих детей, прижитых ею от Ясона. Рядом с Клитемнестрой и Электрой — образ античной мстительницы.

Мелеагр из Гадары — поэт-эпиграмматик младшей александрийской плеяды (I век до н. э.). Составитель первой лирической антологии «Венок Мелеагра», куда вошли песни, элегии, эпиграммы сорока лирических поэтов (VII—I века до н. э.) и посвящение к другу Диоклу, где каждый поэт сравнивается с каким-нибудь цветком.

Минос (миф.) — царь Крита, владелец лабиринта, где обитал Минотавр, людоед, полубык-получеловек. В жертву ему афиняне посылали ежегодно семь прекрасных девушек и юношей. Герой Тезей убил Минотавра и, пользуясь клубком Ариадны, вышел из лабиринта. Вариант сказания использован Вакхилидом в балладе «Юные жертвы и Фесей». Он же Минос-праведный — судья в Аиде.

Майи сын (миф.) — Гермес.

Нереиды — морские русалки, дочери вещего морского старца Нерея, олицетворение различных

состояний моря, на что намекают их имена: играющих волн, морской зыби, тишины. Среди них Фетида, мать Ахилла, и Галатея. (Последнюю не надо смешивать с Галанеей — олицетворением безветрия на море (но не штиля), когда гребцы помогают повисшему парусу веслами). Живут на глубине морской, где, сидя на тронах, прядут, украшают себя, или носятся по волнам на морских дивах.

Орест (миф.) — сын Агамемнона и Клитеместры, мститель за смерть отца. Оправданный богами матереубийца и одновременно преступник, однако не вынесший своего преступления. Герой многих трагедий. Орест и Пилад — символ идеальной дружбы. «Орестея» — трилогия Эсхила.

Посидипп — поэт-эпиграмматик плеяды старших александрийцев (начала III века до н. э).

Паллад — поэт-эпиграмматик IV века до н. э.

Пан — козлоногий полубог, музыкант, покровитель стад, воплощение сладострастия. Легенда о вопле, услышанном с острова Паксоса проезжающими моряками: «Великий Пан умер!» стала символом гибели языческих богов и торжества христианства.

Пандион — легендарный царь Афин. «Дочь Пандиона» — ласточка.

Персей — *см. Даная.*

Пиндар — Эллинский поэт (521—441 до н. э.), знаменитый своими эиникиями и энкомиями — светскими хоровыми песнями, славословящими победителей на всеэллинских конных состязаниях.

Питтак — один из героев легендарного круга семи мудрецов. Историческое лицо (конца VII века

и начала VI века до н. э.), современник Сафо и Алкея. После революции на Лесбосе и падения тиранов был избран на десять лет правителем Митилен, столицы Лесбоса, с титулом эсимнет, что значит: примиритель-посредник.

Пиериды (миф.) — музы; от Пиерии, месторождения муз, местности около подножия Олимпа.

Питфей (миф.) — отец Эгея, дед героя Тезея — Πιτθεύς.

Полидор (миф.) — один из пятидесяти сыновей Гекубы.

Посейдон (миф.) — бог водного царства. Его эмблема — трезубец.

Праксилла — эллинская поэтесса из города Сикионы (V век до н. э.), автор застольных песен, героических дифирамбов и песин об Адонисе.

Приам (миф.) — царь Трои.

Приамид (миф.) — Парис, сын Приама.

Прозерпина (миф.) — исковерканное имя Персефоны (см.).

Руфин — поэт-эпиграмматик.

Сарды — столица Лидии.

Сафо — эллинская поэтесса. Расцвет ее творчества падает на рубеж VII—VI век до н. э. — Эолянка с о. Лесбоса, первая в каноне 9-ти славнейших поэтов; «десятая муза Эллады», как прозвал ее Платон; «некое чудо» по отзыву древних знатоков поэзии; женщина, удостоенная героизации, т. е. провозглашения языческой святой (по-гречески Heros'ом). Ее профиль, как и профиль Архи-

лоха вычеканен на монетах. Она прозвана мудрой — «сафа». Максим Тирский сопоставляет ее с Сократом. Такова оценка Сафо у древних. Уже при жизни ее окутывают легенды и сказки. Легендарен рассказ о ее смерти: будто из любви к красавцу-юноше Фаону бросилась она с Левкадской скалы в море. Но любовь к Фаону — по Виламовицу — любовь к недосягаемому, к звезде. Прыжок с Левкадской скалы — метафорический прыжок — это греческая поговорка: прыжок забвения. Левкадских скал, т. е. белых сверкающих скал,— много на островах Архипелага. Опутанная сплетнями, Сафо попала в биографические словари александрийских ученых. Современные ученые полагают, что ее оклеветала аттическая комедия. У Сафо в Митиленах, столице Лесбоса, был «Дом муз»: музическая школа — пансион — содружество девушек. Во время революции Сафо эмигрирует, бежит в Сицилию (604 или 596 [?]). Но затем по амнистии Питтака возвращается в Митилены. Она — автор гимнов, од, похоронных плачей, свадебных — эротических, застольных песен. Сафо создала свою — в интерпретации русского стихосложения — дактило-хореическую «сафову строфу» с установленным метрическим скелетом, но варьируемую ритмо-мелодически, в зависимости от длительности слогов, пауз и прочих особенностей мелического стиха.

Селена (миф.) — луна.

Семонид Аморгосский — поэт ямбограф (VII век? до н. э.), автор сатирического эпоса «О женщинах».

Его стих тяжеловесен, стиль прозаичен. Тема делала его произведение популярным.

Сидон — финикийский город. «Ладья, дочь Сидона» — ладья из сидонского кедра.

Симоент — река, приток реки Скамандра у древней Трои.

Силенциарий Павел — последний крупный поэт-эпиграмматик (VI век н. э.)

Симонид Кеосский (556—468 до н. э.) — прославленный поэт. Создатель хоровой мелики, элегий и эпиграмм и ряда сентенций житейской мудрости. Скитался, подобно художникам Ренессанса, «по княжеским дворам». По преданию, первый поэт, который брал плату за свои творения. Умер в Сицилии. Первый создатель эпиникий. От его произведений дошли осколки. Меткие эпиграммы, особенно надгробные, приписываемые ему, признаны по большей части подложными.

Симплегады (миф.) — две непрестанно сталкивающиеся и расходящиеся скалы в море. Местонахождение их по географии древних не точно: то они близ Сицилии, то они чудесные ворота на краю света.

Скамандр — река у Трои и речной бог.

Сколия — застольная песнь. По обычаю древних сотрапезники пели поочередно, передавая друг другу миртовую ветку или лиру. Получивший ее продолжал песню предшествующего, или начинал новую.

«Спартанец» — здесь «Менелай» — легендарный царь Спарты.

Тифон (миф.) — порождение Земли, огнедышащее чудовище, побежденное перунами Зевса и низвергнутое им в Тартар, Вулкан.

Трезены — местность на юго-востоке Арголиды: против воспетого поэтом Гельдерлином в

романе «Гиперион» острова Калаурин (близ берегов нынешней Мореи). Трезены славились культом Ипполита (см. трагедию Еврипида «Ипполит»).

Триера — многовесельный корабль.

Федра (миф.) — героиня трагедии «Ипполит» Еврипида. Жена царя Тезея. Из проклятого рода Пелопидов, чьи потомки обречены. Вспыхнув страстью к пасынку Ипполиту и отвергнутая им, кончает с собой, оставив Тезею клеветническое письменное признание о якобы совершенном над нею Ипполитом насилии.

Феодорид из Сиракуз — поэт-эпиграмматик александрийской плеяды (III — II века до н. э.).

Фесей-Тезей (миф.) — богатырь-герой, сын афинского царя Эгея и трезенской царевны Эфры, легендарный избавитель Афин от иноземного ига, победитель Минотавра (см. Минос). В сказание о Тезее вплетен сказочный мотив о мече-кладенце, якобы скрытом Эгеем под огромной глыбой для грядущего испытания силы юноши Тезея. Тезей, возмужав, сдвигает глыбу и с мечом отправляется к отцу, по пути очищая Аттику от богатырей-разбойников. Сюжет использован Вакхилидом в дифирамбе «Фесей».

Филоктет (миф.) — стрелок из лука, герой Троянской войны, наследник гераклова лука и его ядовитых стрел. Укушенный ехидной, был покинут товарищами на пустынном острове Лемносе из-за смрада от гангрены, образовавшейся на месте укуса. По коварному наущению Одиссея Неоптолем, сын Ахилла, овладевает его луком, чтобы принудить проклявшего ахеян Филоктета вернуться под стены Трои: по предсказанию жреца Елина без Филок-

тета и его лука Троя не падет. Герой одноименной трагедии Софокла.

Финикс (Phoinix) — бог или герой (heros), т. е. языческий святой, Крита, призываемый при клятве.

Халкида древняя — столица острова Эвбеи.

Эдип (миф.) — трагедийный герой: величественный образ «преступника поневоле», — невольный убийца своего отца Лая, муж своей матери Иокасты, мудрец, разгадавший загадку сфинкса, царь фиванский и святой, искупивший страданиями преступления предков — прóклятый до рождения и сам проклявший своих сыновей. Узнав о своих невольных преступлениях, Эдип ослепляет себя. Акт ослепления — символ того, что Эдип — преступник *по неве́дению*.

Эреб (миф.) — довременный мрак, порождение хаоса.

Эридан (миф.) — (букв. «бездонный») — река или озеро, куда стекали янтарем слезы обращенных в тополи сестер Фаэтона, Гелиад, оплакивавших его гибель. Юноша Фаэтон был свергнут с неба в Эридан: он дерзнул управлять солнечной колесницей Гелия и чуть было не сжег мир. Возможно, что под Эриданом подразумевается река По (Сев. Италия).

Эринии — эвмениды — адские создания, демоны возмездия, преследующие преступника, — змееволосые подобия женщин, с горящими факелами. Символ укоров совести.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯМБЫ

ТРАГЕДИЙНАЯ СОЛЬНАЯ МЕЛИКА

ТРАГЕДИЙНАЯ ХОРОВАЯ МЕЛИКА

Часть II
УПАДОК
(III в. до н. э. — VI в. н. э.)

АНАКРЕОНТИКА

ЭПИГРАММЫ

МЕЛЕАГР ГАДАРСКИЙ

АСКЛЕПИАД САМОССКИЙ

Редактор Д. Горбов.
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Технический редактор
Л. А. Чалова.

Сдано в набор 8•VII•1934 г. Подписано к печати 2•I• 1935 г. Вышла в свет I. 1935 г. Тираж 5300 экз. Уполн. Главлита № Б-37920. Индекс А-1. Изд. № 137. Форм. бумаги 62×94 в 1/32. Авт. листов 8. Бум. л. 3,81.
Заказ № 1973.

*

Отпечатано во 2-й тип. «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига» Ленинград, Гатчинская, 26.

Цена Р. 3.60
Переплет Р. 1.50

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*
179	9 св.	Хородидактил вместо Хородидаскол
181	9 сн.	После „Переменных“ пропущено: „долгих и“
181	2 сн.	После „трехдольник“ пропущено: „с паузой“.
188	19 сн.	Тезей вместо „Эгей“
211	4 св.	Железом вместо „жезлом“

